КУЛИКОВО ПОЛЕ,

съ реставрированнымъ планомъ *Куликовской* битвы въ 8-й день сентября 1380 года.

ОТРЫВОКЪ

изъ

ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ

ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

Ивана Афремова.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace de son existence.

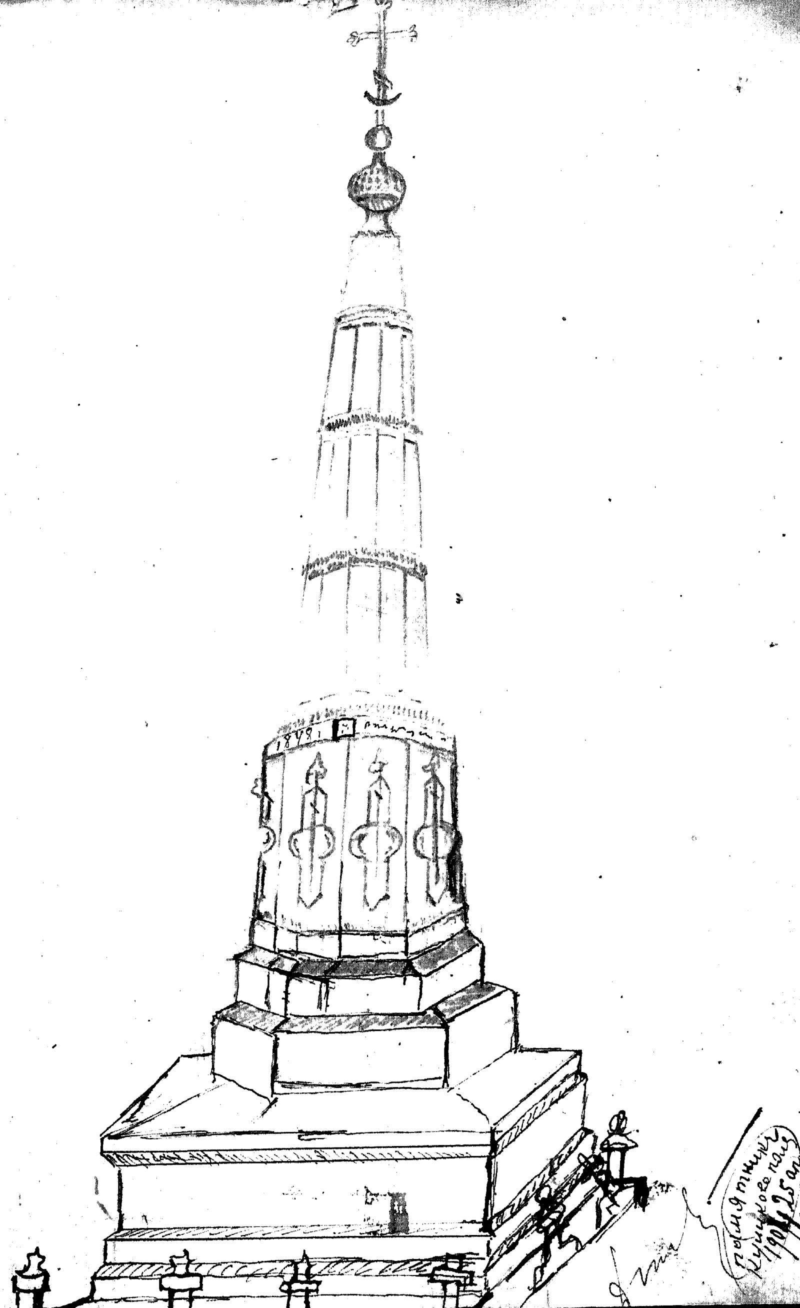
Weiss, Princ. philos. polit. et moraux.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1849.

ГЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

аніи представлено было въ Ценсурный
экземпляровъ. С.-Петербургъ, Іюня 14

Ценсоръ Н. Елагинъ.

1848
памятник
1901 25 ап

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

На юго-западѣ, близъ рязанскихъ границъ, между рѣкъ Дона и *Непрядвы* (380), на протяженіи *двойныхъ* десяти верстъ, безсмертный славою уголокъ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, имѣетъ

---

(380). Рѣчка Непрядва начинается за селомъ Валовымъ Богородицкаго уѣзда, и протекая дугообразно около 50-ти верстъ, впадаетъ въ Донъ при селѣ Рожественѣ — Монастырщинѣ, Епифанскаго уѣзда (см. карту къ И. О. Т. г. и планъ битвы). — Соединеніе двухъ рѣкъ этихъ замѣчательно спорнымъ теченіемъ. — Непрядва должна происходить отъ глагола *прядать*, имѣя значеніе то, что рѣчку эту перескочить невозможно.

счастіе вмѣщать въ себѣ нашъ Русскій Мараѳонъ,— Куликово поле (381),—Мамаево побоище.—Повто-

---

(381). Поле это было тогда еще дикою, не населенною степью.—Начиналось оно съ рѣки Дона, отъ нынѣшняго села Куликова при устьѣ Смолки, къ селу Рожествену—Монастырщинѣ, при устьѣ Непрядвы, направляясь широкою полосою въ уголъ Богородицкаго уѣзда, на селенія: Обалешину—Смолку, Куликову—Телятинку, Хворостянку, Дубики — Козинку, Даниловку, Самохваловку и Куликовку — Нечаеву, до устьевъ Ситки, при селѣ Михайловскомъ; всего на протяженіи 18-ти верстъ нынѣшнихъ, равныхъ 10-ти верстамъ прежнихъ, согласно лѣтописи (см. планъ битвы).—Въ древности верста была въ 1000 саженъ *маховыхъ* (И. Г. Р. т. V. пр. 78). (И. О. Т. г. шоссе и дороги).—Здѣсь за Дономъ начиналась уже Татарская земля.—Въ наше время мѣста эти во владѣніи разныхъ помѣщиковъ: сенатора Ст. Димитр. Нечаева, дѣйст. стат. совѣт. Матв. Матв. Олсуфьева, генералъ-маіора Конст. Павл. Офросимова, ст. совѣт. Алекс. Ѳедор. и подполков. Владиміра Ѳедор. Ахлестышевыхъ, ст. совѣт. Апол. Андреев. Иванова, наслѣдниковъ кол. совѣт. Вас. Никол. Софонова и другихъ. — Здѣсь выпахиваютъ донынѣ обломки оружія и мѣдные кресты.—Въ книгѣ «*Большаго чертежа*» временъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, границы *Куликова поля* назначены между рѣками: Дономъ, Непрядвою и верховьями Уперта, Упы, Соловы, Плавы, Зуши и Снѣжеда, на протяженіи ста верстъ (см. карту къ И. О. Т. г.).

римъ съ лѣтописями, и исторіею (382), великое кровавое событіе это въ 8-й день сентября 1380 г.

Герой незабвеннаго дня сего, Московскій великій князь Димитрій Іоанновичъ всея Русіи, достойный представитель всего народа, съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Боровскимъ и Серпуховскимъ, съ удѣльными князьями: Ростовскими, Бѣлозерскими, Ярославскими, Торусскими, Обаленскимъ, Брянскимъ, Елецкимъ, Новосильскимъ; боярами и воеводами: Владиміра, Суздаля, Переяслава, Костромы, Мурома, Углича, Боровска, Серпухова и дѣтьми боярскими, съ полутораста—тысячною арміею (383), на другой или

(382). Ист. Гос. Росс. т. V. ст. 36 по 43; примѣчанія: 62, 65, 70 по 85, послѣдняго изданія г-на Ейнерлинга.—Ист. Рус. народа, т. V. ст. 114 по 132.—Повѣсть рязанскаго іерея Софронія, о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны, присовокупляетъ, что Димитрій сталъ собирать въ Москву ополченія въ слѣдствіе прибытія посла своего (хитраго мужа) Захарія Тютчева, возвратившагося изъ орды съ угрозами отъ Мамая (И. Г. Р. т. V. пр. 65.).

(383). Другія лѣтописи увеличиваютъ число войскъ отъ 240 до 400 тысячъ (Строев. лѣт. ст. 357; Архангел.

третій день праздника *Успенія* (16-го или 17-го августа), въ тихое ясное утро, отслуживъ молебствіе въ кремлевскихъ соборахъ (384), простясь съ женою и дѣтьми Димитрій выступилъ изъ Москвы тремя колоннами, къ назначенному сборному мѣсту

и Никон. лѣтописи). — Къ вѣчному безславію своему великіе князья Святославъ Іоанновичъ Смоленскій, вѣроломный Михаилъ Александровичъ Тверской, не пришли сами и не прислали дружинъ своихъ на такое великое дѣло отчизны; равномѣрно не было и Новогородцевъ, не участвовалъ и Псковъ; Суздальская и Нижегородская дружины пришли съ одними боярами; великій князь ихъ, Димитрій Константиновичъ (тесть Донскаго) съ братомъ Борисомъ и старшимъ сыномъ Василіемъ Кирдяпою (родоначальникъ князей Шуйскихъ) остались дома!... А великій князь Рязанскій, Олегъ Іоанновичъ, забывъ собственныя раны и бѣдствія отъ Мамая, предавшись злодѣю, измѣнилъ отечеству; но благодареніе Господу, войска рязанскія медлили и не соединялись съ Татарами; только испортили мосты на дорогѣ Димитрія, по нынѣшней Тульской губерніи, и ограбили нѣкоторыхъ москвитянъ, — слугъ великокняжескихъ. — Покойный трагикъ нашъ, Владисл. Петр. Озеровъ, увлекшись поэзіею въ своемъ Димитріѣ Донскомъ, написалъ большую половину небывалаго.

(384). Никоновская лѣтопись ошибочно говоритъ, что митрополитъ Кипріанъ благословлялъ здѣсь Димитрія на битву, и потомъ встрѣчалъ его въ Москвѣ,

въ окрестностяхъ города Коломны: первая колонна подъ командою князя Өедора Романовича Бѣлозерскаго шла по дорогѣ *болвановкѣ*, то есть на Серпуховъ,—тульскимъ путемъ, потомъ поворотила на *коширку* къ Коломнѣ; вторая подъ командою самаго Димитрія пошла на *Котлы*, дорогою къ старой Коширѣ (коширкою), потомъ поворотила проселкомъ на *шубинку* къ Коломнѣ (смотр. карту къ И. О. Т. губер. 1849. г.); третія подъ командою князя Владиміра Андреевича, по *брашевской*,

---

какъ побѣдителя Мамая въ Андроніевомъ монастырѣ (И. Г. Р. т. V. пр. 65 и 88).—Кипріанъ прибылъ изъ Кіева въ Москву въ маѣ мѣсяцѣ 1381 г. (И. Г. Р. т. V. пр. 60); слѣдовательно 8-мь мѣсяцовъ спустя послѣ битвы. — Съ достовѣрностію должно принять, что Димитрія и всё Московское воинство напутствовалъ благословеніемъ, единственно остававшійся тогда въ Москвѣ архіерей, — Крутицкій епископъ Матөей (смотр. И. О. Т. губер. Іерархія), вмѣстѣ съ преподобнымъ игуменомъ Сергіемъ Радонежскимъ, имѣвшимъ также въ Москвѣ свою собственную обитель въ *старомъ Симоновѣ*; гдѣ и погребены потомъ сподвижники Донскаго,—герои—иноки Пересвѣтъ и Ослябя (пр. 397). Во второй разъ Димитрій принялъ благословеніе на битву въ Коломнѣ, отъ епископа Герасима, и въ напутствованіе къ побѣдѣ, знаменитую икону

т. е. по настоящей коломенской дорогѣ, къ селу Брашеву, гдѣ былъ перевозъ черезъ Москву—рѣку (Прогул. по Коломен. уѣзду Иванчина-Писарева. М. 1843 года); «*того ради нейдоша купно, яко немощно имъ вмѣститися*».—Тогдашніе большіе лѣса не могли допустить разширенія войскъ. — Умилительное зрѣлище представляли собою Московскія войска: избранные юноши, старцы, бояре и князья съ доблестнымъ веселіемъ шли на великій подвигъ, — умирать за отечество; звукъ трубъ и шелестъ знаменъ сливались съ духовнымъ пѣніемъ священныхъ клировъ; Москва съ мольбами и надеждами провожала своихъ защитниковъ.

Богородицы, нареченную потомъ «*Донскою*» (см. И. О. Т. губер. Іерархія. пр. 41). — И такъ въ оба раза епархіальные архіереи наши, за отсутствіемъ митрополита, отъ имени всей православной церкви, имѣли счастіе преподать благословеніе на столь великій подвигъ, — избавленія отечества. — Пребываніе знаменитой святыни, — *Донскаго* образа изъ Коломны на Куликовомъ полѣ, подтверждалъ также московскій археологъ, г-нъ Иванчинъ—Писаревъ (Прогулка по Коломен. уѣзду 1843 года, ст. 142. 143—164).

Димитрій, оставя колонну войскъ своихъ съ большимъ воеводою Тимоѳеемъ Василіевичемъ Вельяминовымъ (внукомъ московскаго тысячскаго), поспѣшилъ самъ по *шубинкѣ* въ другую столицу свою—Коломну, и былъ встрѣченъ на рѣчкѣ Сѣверкѣ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми собравшимися сюда князьями и воеводами; у коломенскихъ же городскихъ воротъ, епископомъ Герасимомъ со всѣмъ духовенствомъ, святыми крестами и иконами. — На другой день утромъ Димитрій на обширномъ лугу Оки, на коломенскомъ «*дѣвичьемъ полѣ*» дѣлалъ смотръ всему собравшемуся сюда войску, при трубныхъ звукахъ и восклицаніяхъ народа.—Въ Коломнѣ же Димитрій былъ обрадованъ прибытіемъ вспомогательной большой дружины Полоцкой и Брянской, подъ командою славныхъ Литовскихъ князей Андрея и Димитрія Ольгердовичей, братьевъ жены Московскаго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. — Съ ними теперь войскъ Димитрія составилось до-двухъ сотъ тысячъ ратниковъ; «*отъ начала бо николиже бывала такова сила Русская*» (присовокупляетъ лѣтопись). Сюда же прибылъ изъ мамаевскаго *придонскаго* стана посолъ татарскій требовать покорности и дани.— Димитрій отвѣчалъ, что онъ желаетъ мира, и не

отказывается отъ умѣреннаго платежа; надменный посолъ сталъ укорять великаго князя въ измѣнѣ, и настаевалъ въ большцхъ непомѣрныхъ требованіяхъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло другою,—кровавою данію (*).—Татары были ободрены болѣе явно—открывшеюся здѣсь измѣною Россіи, великаго князя Рязанскаго Олега Іоанновича, который въ это время какъ безумный скакалъ изъ одного мѣста въ другое: отправлялъ гонцевъ къ Мамаю и великому князю Ягеллу Литовскому пришедшему на помощь Татарамъ, и стоящему съ войскомъ своимъ уже близъ Одоева на рѣкѣ Упѣ.— Олегъ и Ягелло оба хитрили: провѣдывали силы противниковъ, и прямо ни на что не рѣшались, чѣмъ самымъ невидимая рука Божія явно споспѣшествовала Московскому оружію.

Августа 20-го, Димитрій отслушавъ молебствіе въ коломенскомъ соборѣ, и принявъ благословеніе и святую *икону Богородицы* отъ епископа Гераси-

---

(*) Озеровъ въ трагедіи своей поэтически говоритъ:

« Мы дани для него днесь собрали иныя,—
« Мечи булатные, и стрѣлы каленыя! »

ма (нынѣ знаменитая *Донская*, примѣч. 384), повелѣлъ двинуться войску къ устью Лопасни и переправляться за Оку.—«*Правою рукою шелъ Микула Василіевичъ Вельяминовъ съ Коломны*».— Для наблюденія же непріятельскихъ дѣйствій послалъ передовые конные отряды подъ командою: Семена Мелика, Петра Горскаго, Игнатія Креня, Ѳомы Тынина, Карпа Алексина и Петра Чурикова, оставя при себѣ 10-ть московскихъ купцовъ—гостей *сурожскихъ* (385) «*повѣданія ради; аще что случится, да повѣдаютъ въ борзѣ на Москвѣ*».

Августа въ 26-й день, Димитрій лично прибылъ къ устью Лопасни (гдѣ нынѣ селеніе *Прилуки*), и съ остальнымъ войскомъ переправился чрезъ Оку, противъ двухъ древнихъ городищъ, лежащихъ по обѣ стороны рѣчки Унки, и именуемыхъ нынѣ

---

(385). Гости сурожскіе, т. е. купцы торговавшіе къ *Сурожскому* или Азовскому морю. Отъ чего и въ наше время въ московскомъ гостиномъ дворѣ называется *сурожская линія*. — Гости — купцы московскіе, какъ *бывалые* люди, употреблялись иногда вмѣсто *ратныхъ гонцовъ*; почты тогда еще не было.

«четыре церкви» (386). Тутъ вступилъ онъ въ Рязанскіе предѣлы (нынѣшнюю Тульскую губернію, по Коширскому уѣзду); при чемъ отданъ былъ великокняжескій приказъ: *«да никто же коснется единому власу Рязанскія страны»*. Путь Димитрія лежалъ сначала къ рѣкѣ Осетру, гдѣ долженъ былъ устроивать мосты, потомъ на древній городъ *Березуй* (село Березово въ 4-хъ верстахъ отъ Венева, по епифанской дорогѣ), и потомъ старою донковскою дорогою, на древній Рязанскій городъ *Дороженъ*, при рѣкѣ большой—Таболѣ (см. планъ битвы); отсюда наконецъ въ 6-й день сентября передовыя войска Московскія достигли Дона, гдѣ соединяется съ нимъ рѣчка Непрядва (см. планъ битвы), и откуда за рѣками этими разстилается обширная долина—*«Куликово поле»*. Сентября 7 Московскій станъ расположенъ былъ при рѣчкѣ *Себенкѣ* и лѣвомъ берегѣ Дона (см. планъ бытвы); сюда, около полудня прибѣжали наши посланные *ертаулы* (передовые разъѣзды) съ начальниками

(386). Признаки укрѣпленій этихъ въ Коширскомъ уѣздѣ остались погостомъ до сего времени. — Городища эти лежатъ близъ селенія Хорошевки, между нынѣшнею Коширою и старымъ Тѣшиловымъ (см.

своими, — Семеномъ Меликомъ и Петромъ Горскимъ, за ними гнались монгольскіе всадники, и увидѣвъ вооруженный передовой отрядъ нашъ, — возвратились. Меликъ донесъ Димитрію, что Мамай, перешедъ Донъ, стоитъ на *Гусиномъ бродѣ* (387), въ одномъ только переходѣ отъ Русскихъ: «*яко царь на Гусинѣ броду, едина нощь промежъ нами*»; гдѣ уже болѣе трехъ недѣль ждалъ онъ соединенія съ Литовскимъ великимъ княземъ Ягелломъ и Рязан-

---

карту Тул. губ. 1849 г.). — Замѣтить надобно, что 200-тысячная армія конечно не могла переправиться чрезъ Оку въ одномъ мѣстѣ; равно какъ и идти одною дорогою по тогдашнимъ лѣсамъ Коширскаго уѣзда. — Да и судя по выходу Димитрія изъ Коломны съ 20 по 26 августа прошло 5 дней пребыванія его на лѣвомъ берегѣ Оки, въ 60-ти верстномъ проѣздѣ между Коломною, старою Коширою и устьемъ Лопасни; слѣдовательно онъ наблюдалъ тутъ за переправою войскъ чрезъ Оку во многихъ мѣстахъ.

(387). Гусиный бродъ этотъ, вѣроятно, былъ нынѣшнее изсохшее русло рѣчки *Смолки*; по писцовой книгѣ прежняго Богородицкаго уѣзда, *Куликову полю*, письма и мѣры Андрея Щепотева 1670 года, рѣчка эта названа *Смолкочь* (Прогул. по Коломен. уѣзду Иванчина — Писарева, 1843 года, стр. 155).

скимъ Олегомъ, дабы совокупными силами идти къ Окѣ на Москву, но герой Москвы предупредилъ ихъ!

Наканунѣ битвы при Донѣ въ Русскомъ станѣ былъ собранъ военный совѣтъ: князья разсуждали съ воеводами, тутъ ли ожидать Татаръ или идти далѣе? — Голоса были различны: Ольгердовичи князья Литовскіе совѣтывали перейдти Донъ, и оставить его въ тылу, дабы удержать робкихъ въ случаѣ бѣгства; говорили, что Ярославъ такимъ образомъ побѣдилъ Святополка, а Александръ Невскій—Шведовъ. Еще важнѣйшее другое обстоятельство было опорою этого мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягелла и Олега съ Мамаемъ. Великій князь положилъ мечемъ рѣшить дѣло немедленно, и къ одобренію своему получилъ отъ святаго Сергія Радонежскаго письмо, въ коемъ праведникъ благословлялъ его на битву за отечество (388). Уже легкіе отряды наши безпрестанно

---

(388). Тогда же приспѣша грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, отъ святаго старца благословенная,— въ ней же писано тако: «чтобы шелъ еси *господине* на битву съ нечестивыми, а поможетъ ти

встрѣчались съ татарскими, били и гнали ихъ. Димитрій въ сонмѣ всѣхъ вождей сказалъ: «*Братіе! часъ суда Божія наступаетъ! сотворимъ начинанія дѣло*»; и въ тотъ же день (7-го сентября) велѣлъ искать по Дону удобнаго брода для конницы, и наводить мосты для пѣхоты (389). Послѣдняя ночь наступила для многихъ тысячъ жертвъ обоего

Богъ (Строев. лѣт. ст. 360). Святый Сергій былъ въ мірскомъ чинѣ ростовскимъ дворяниномъ Варѳоломеемъ Кирилловичемъ. — Съ отцемъ своимъ бояриномъ Кириллою перешелъ онъ изъ Ростова въ городокъ *Радонежъ* (бывшій въ 10-ти верстахъ отъ Лавры, нынѣ село *Городище*. — Основалъ знаменитую Троицкую обитель около 1341 года; скончался 1393 года, сентября 25 дня, будучи 70 лѣтъ; святыя мощи его открыты 1422 года въ личномъ присутствіи Галицкаго князя Юрія Димитріевича (отца Шемяки), младшаго брата великаго князя Василія Димитріевича, сына Донскаго.

(389). Переправа должна быть между устьемъ Непрядвы и селеніемъ Татинки, на разстояніи 2-хъ верстъ, внизъ по Дону (смотр. планъ битвы.). Писцовыя книги 1670 года указываютъ здѣсь *татинскіе броды*. — Донъ и Непрядва со всѣми впадающими въ нихъ рѣчками и ручьями, по прежнимъ дремучимъ лѣсамъ, были гораздо многоводнѣе противъ нынѣшняго времени.

воинства, и даровала имъ последнее предсмертное успокоеніе (390)...

Роковый день 8-го сентября наступилъ съ ранняго утра густымъ туманомъ, который при солнечномъ восходѣ сталъ рѣдѣть и расходиться; казалось, сама предустрашенная природа облекалась печальною ризою.... Войско огромными колоннами двинулось, перешло за Донъ и растянулось по правому

---

(390). Никоповская лѣтопись живописуетъ тутъ слѣдующій вымыслъ поэтическаго разсказа: «уже бо долго нощи « вечерняя заря потухла.—Князь же великій поимъ съ « собою брата своего Владиміра съ княземъ Димитрі- « емъ Волынцемъ и Литовскіе князи едины, и выѣхаша « на поле Куликово, ставъ посреди обоихъ воинствъ, « и обратися на полкъ (станъ) татарскій и слыша « стукъ великъ и кличъ, аки торги снимаются, аки « гради зиждутся,—аки трубы гласящи!! — И бысть « позади ихъ грозно волцы воюще и орлы клегка- « таху.—По десной же странѣ вброни кличутъ, и « бысть гласъ велій птичещь; вранови же играютъ « по рѣцѣ той по Непрядвѣ; гуси и лебеди непре- « станно крылѣ—плещуще, необычную грозу по- « даютъ! — И рече Волынецъ: слышасте ли сія? « Обратитесь на полкъ (станъ) Русскій. — И бысть « тихость велика... токмо огневе мнози и заря снима- « хуся... И сниде князь Димитрій Волынецъ съ « коня своего, паде на десное ухо, приниче на зем-

берегу Непрядвы, гдѣ Димитрій, призвавъ полковыхъ священниковъ съ иноками преподобнаго Сергія, вначалѣ всего предъ благословенною иконою Богоматѐри совершилъ общее молебствіе празднику Рождеству Богородицы: просилъ Господа Силъ благословить христіанъ на защиту отечества; потомъ повелѣлъ устроивать всѣ шесть полковъ (корпусовъ) къ битвѣ (см. планъ битвы). На первомъ

« лю, и предлежа на долгъ часъ,—и воста и абіе « пониче. И рече ему князь великій: что есть брате? « онъ же не хотѣ сказати, князь же много нудивъ « его; онъ же отвѣщавъ, рече: слышавъ землю « плачущу на двое: едина страна аки вдовица нѣкая « вопяща,—другая же яко юная дѣва, аки свирѣль... « Азъ чаю побѣды; но падетъ многое множество « христіанъ.—Князь же великій прослезися.—И рече « Волынецъ не подобаетъ сего повѣдать никому же.» Потомокъ св. Владиміра, Волынскій князь Димитрій Михайловичъ по прозванію *Боброкъ*, не имѣя собственнаго удѣла служилъ воеводою при московскомъ дворѣ, и былъ женатъ на сестрѣ Димитрія Донскаго, Аннѣ Іоанновнѣ; 1371 года покорилъ онъ Рязанскаго князя Олега; 1376 г. ходилъ усмирять Болгаровъ (близъ нынѣшней Казани); 1379 воевалъ въ Литвѣ и взялъ Стародубъ и Трубчевскъ.—Лѣтописи всѣ единогласно говорятъ о необыкновенной мудрости его и отличныхъ воинскихъ способностяхъ. (Энц. лекс. XI—406).

мѣстѣ лѣваго крыла, сталъ полкъ *лѣвой руки* (цифра 1) подъ начальствомъ князей: Θеодора Васильевича Ярославскаго, Θеодора Михайловича Моложскаго, при нихъ бояринъ Левъ Морозовъ; за нимъ литовскій полкъ (цифра 2) князей Андрея и Димитрія Ольгердовичей Литовскихъ, князя Романа Михайловича Брянскаго, князя Θеодора Михайловича Бѣлозерскаго, сына его Іоанна Θеодоровича, и племянника Θеодора Романовича; при нихъ бояринъ Николай Василіевичъ Вельяминовъ (сынъ московскаго тысячскаго); потомъ грозною тучею сталъ собственный *большой полкъ* великаго князя Димитрія (цифра 3), подъ командою князя Іоанна Василіевича Смоленскаго (племянника Смоленскаго великаго князя); при немъ бояре: Тимоѳей Василіевичъ Вельяминовъ (братъ вышесказаннаго), Иванъ Родіоновичъ Квашня, Михаилъ Александровичъ Брянокъ (другъ Димитрія); извѣстные воеводы Димитрій Мининъ и Іакинѳъ Шуба; а далѣе на правомъ крылѣ, полкъ *правой руки* (цифра 4), подъ начальствомъ князя Андрея Θеодоровича Ростовскаго и князя Андрея Θеодоровича Стародубскаго съ бояриномъ его Грункомъ; впереди четырехъ полковъ этихъ сталъ *сторожевой* или *передовой полкъ* (цифра 5) князей: Глѣба, Димитрія и Владиміра

Всеволодовичей Друцкихъ; князей Іоанна Константиновича, Θеодора и Мстислава Торусскихъ; князя Семена Константиновича Обаленскаго (роднаго брата Іоанна Торусскаго); при нихъ бояре: священновитязи Александръ Пересвѣтъ и Родіонъ Ослябя, посланные съ Димитріемъ святымъ игумномъ Сергіемъ; Михаилъ Ивановичъ Челядинъ (внукъ перешедшаго въ Тверь Іакинθа) и Андрей Ивановичъ Серкисъ; послѣдній шестый *засадный полкъ* (цифра 6) князя Владиміра Андреевича, внука Калиты и двоюроднаго брата Донскаго; князя Димитрія Михайловича Волынскаго — Боброка, зятя великаго князя по сестрѣ (пр. 390), побѣдителя Рязанцевъ и Болгаровъ,—мужа славнаго доблестію и разумомъ; князя Θеодора Елецкаго, князя Василія Михайловича Кашинскаго, и юнаго Стефана Юріевича князя Новосильскаго (391). Полки эти въ сомкнутыхъ

---

(391). Исторіографъ называетъ его по отцѣ «Романовичемъ»; но сунодальная лѣтопись (И. Г. Р. т. V. пр. 80) прямо говоритъ: «*Юріевской же юноша Стефанъ Новосильскій*»; слѣдовательно онъ былъ сынъ князя Юрія Семеновича, брата Романова (см. И. О. Т. г. родосл. табл. князей Новосильскихъ, Одоевскихъ, Бѣлевскихъ и Воротынскихъ. — Въ

рядахъ, заключая въ себѣ 200 тысячъ воиновъ, должны были занимать пространство не менѣе пяти верстъ нынѣшнихъ (см. планъ битвы цифра 6 и 4).

Димитрій, стоявъ на возвышенномъ мѣстѣ поля, видѣлъ стройные необозримые ряды войскъ окончательно распоряжаемыхъ опытнѣйшимъ полководцемъ княземъ Волынскимъ; безчисленныя знамена развѣваемыя западнымъ вѣтромъ, блескъ оружія (392) и доспѣховъ, свѣтлость шлемовъ, съ красными перьями (393), позлащаемыхъ яркимъ утреннимъ

росписаніи полковыхъ начальниковъ, лѣтописи также разногласятъ. — По соображенію слѣдую болѣе достовѣрному.

(392). Въ Мамаевомъ побоищѣ не было еще у насъ огнестрѣльнаго оружія: порохъ сталъ быть извѣстенъ въ Россіи спустя 8 лѣтъ (1389 года). — Король Англійскій Эдуардъ III, въ походѣ своемъ во Францію, 1346 года, въ сраженіи при *Креси*, первый въ Европѣ употребилъ въ дѣло огнестрѣльное оружіе.

(393). Сѵнодальная лѣтопись говоритъ: «у богатырей *хоругви* (знамена), аки живы пашутся, *шеломы* же (шлемы, каски) на главахъ ихъ, — аки утренняя заря; *доспѣхи* же (кирасы, панцыри), — аки вода сильна колеблюща; *словицы* же шеломовъ ихъ

осеннимъ солнцемъ; онъ погрузился въ думу, воображая, что многія тысячи этихъ храбрыхъ воиновъ падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ жертвы усердной любви къ отечеству. Литовскіе князья, подъѣхавъ къ Димитрію, сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ; Димитрій думалъ другое: онъ сошелъ съ коня, въ умиленіи сердца преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ великокняжескомъ знамени его, велегласно молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію.... Смотря на Димитрія войско громогласно восклицало: «Боже, даруй побѣду великому князю нашему!»—Окончивъ молитву и возсѣвъ на коня своего Димитрій поѣхалъ по всѣмъ полкамъ, говорилъ рѣчь къ каждому: «Братіе! днесь великій праздникъ *Рождества Богородицы*, станемъ за отечество! — умершіе днесь на брани родятся въ жизнь вѣчную!... Величественнымъ и мужественнымъ видомъ своимъ (394) ободрялъ, утѣ-

---

(султаны фигурою ёлки) аки поломя огненное пашутся,—развѣваемыя вѣтромъ (И. Г. Р. т. V. пр. 114).—Сколько тутъ поэзіи въ славянскомъ языкѣ нашемъ!

(394). Димитрію исполнилось тогда 30 лѣтъ; современныя лѣтописи описываютъ его слѣдующимъ: «бяше же-

шалъ, называлъ воиновъ *истинными* сынами Россіи, *милыми братьями*; напоминалъ имъ о вѣнцахъ небесныхъ, о вѣчной славѣ. «Готовы головы наши сложити за Христа и отечество и тебя, *великій княже!*» кричали полки воиновъ. Вели творить поминовеніе по насъ церкви православной, вели записать дѣла наши на память Русскимъ сынамъ (Строев. лѣт. 1—361). Окончивъ смотръ призвалъ онъ друга своего, боярина Михаила Александровича Бряноka, *«иже любимъ бѣ паче мѣры»*, возложилъ на него княжескую одежду свою, посадилъ на коня своего, и повелѣлъ стать на свое мѣсто въ большомъ полку, подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ. Самъ же (пересѣвъ на другаго боеваго коня) поскакалъ въ передовый полкъ. Между Русскими и Татарами было уже разстояніе менѣе пяти верстъ.

крѣпокъ зѣло, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ вельми и тяжекъ; брадою же и власы черяъ, взоромъ же дивенъ зѣло (И. Г. Р. т. V. пр. 116).» На 17-мъ годѣ жизни онъ былъ уже женатъ на Евдокіи, дочери великаго князя Димитрія Константиновича Суздальскаго и Нижегородскаго, который въ мололѣтство его оспоривалъ великокняжескій престолъ *всея Русіи* за собою.

Около одиннадцати часовъ дня, съ трубнымъ звукомъ войско тронулось и пошло на Татаръ, а засадный полкъ на свое мѣсто (планъ битвы цифра 6, въ дубравѣ) въ двѣнадцатомъ часу (395) увидѣли непріятеля расположеннаго по долгому, отлогому скату *краснаго холма* на необозримомъ пространствѣ *Куликова* поля, во всей его азіатской лютости. Воинскіе гласы трубъ загремѣли съ обѣихъ сторонъ,—татарскіе же «*яко онѣмѣша*!» Монголы не ожидали смѣлой атаки Димитрія, бросили котлы и обѣды

---

(395). Лѣтописи говорятъ *въ шестомъ часу*.—Надобно знать, что въ то время часы дня начинались съ восходомъ солнца, такъ что *первый* часъ былъ нашимъ 7-мъ; *вторый*-8-мъ; *шестый*-12-мъ; *девятый* 3-мъ по-полудни; *двѣнадцатый*-6-мъ вечера, и послѣднимъ при закатѣ солнца 8-го сентября. Ночь дѣлилась на четыре стражи: 7-й, 8-й и 9-й часъ вечера, *первая стража*; 10-й, 11-й и 12-й часъ ночи, *вторая стража*; 1-й, 2-й и 3-й часъ по полуночи *третія стража*; 4-й, 5-й и 6-й часъ утра (слѣдующаго дня)—*четвертая стража*. — Для механическаго же измѣренія времени искони употреблялись *песочные часы*.—Въ Москвѣ первые башенные боевые часы, уже послѣ Донскаго, устроены были 1404 года.—Царь Іоаннъ Грозный 1557 года имѣлъ уже и карманные часы (И. Г. Р. т. V—138. VIII—152).

свои и стали выступать изъ стана (407). Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ за другомъ, и грозно шли впередъ шагъ за шагомъ — измѣряя силу противниковъ; сила Татаръ гораздо превосходила нашу: *«бѣ страшно видѣти, и нѣсть мѣста имъ раступитися!»* (см. планъ битвы цифра 9—9). Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, прибылъ сражаться въ передовый полкъ; усердные князья и бояре молили его остаться за густыми рядами войска.—Долгъ твой (говорили они) смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ, и награждать достойныхъ; мы всѣ готовы на смерть, а ты князь любимый, — живи, и предай память нашу временамъ грядущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды!—нѣтъ спасенія отечеству! Но Димитрій отвѣтствовалъ: «гдѣ вы,—тамъ и я! Скрываясь назади, могу ли возгласить вамъ: братіе! умремъ за отечество!—Слово мое да будетъ дѣломъ.—Я вождь и князь стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ прочимъ (396). — Герой не измѣнилъ

---

(396). Ростовской лѣтописи листъ 370-й говоритъ: «Да како азъ возглаголю: *братіе, потягнемъ вкупѣ!* а самъ лице свое начну крыти?! Яко же хоцу словомъ, такоже и дѣломъ напередъ всѣмъ быти и

своему великодушію, и громогласно читая сорокъ—пятый псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила»*, онъ двинулъ полки,—и съ новымъ трубнымъ звукомъ, съ избранными всадниками—дѣтьми боярскими, первый ударилъ на враговъ. — Страшная кровавая сѣча началась со всѣхъ сторонъ при ужасныхъ кликахъ войскъ: мѣстами бой ратующихъ былъ общимъ,—мѣстами сражающіеся перемѣшались, и въ общей свалкѣ образовалось безчисленное множество одиночныхъ боевъ.—Димитрій бился какъ рядовой воинъ, и тяжкіе удары могучей руки его наносили смерть и ужасъ!... наконецъ онъ напалъ на татарскаго хана *Тюлюбека* (Тулунъ-Бега), племянника Мамаева, низложилъ его,—и, какъ избранный мститель,—мечъ Божій, понесся онъ ободрять середину полковъ, гдѣ битва свирѣпѣла съ ужаснѣйшимъ

предъ всѣми главу мою сложити, да и прочіе пріимутъ дерзновеніе.» — Краснорѣчіе сердца пламеннаго! кто послѣ сего могъ оставаться, и не жертвовать жизнію!??..

Хвала вамъ чада древнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый!...

Жуковскій.

отчаяніемъ: *«одеснуюи ошую его множество вой битыхъ, самаго же вокругъ обступиша аки вода многа, оба полы.»* — Тутъ священновитязь Александръ Пересвѣтъ, въ передовомъ полку заступивъ мѣсто Димитрія, призывая Бога и святаго Сергія на помощь, рванулся въ бой съ новымъ Голіаѳомъ,— татарскимъ богатыремъ *Челубеемъ*, и отъ тяжкихъ ударовъ копій, оба пали они мертвыми: *«мало что земля подъ ними не протожесь!»*—За симъ убитъ товарищъ Пересвѣта,—инокъ Родіонъ Ослябя (397), и богатырь нашъ Григорій Капустинъ.

---

(397). Пересвѣтъ былъ брянскимъ бояриномъ, служилъ прежде въ полкахъ и слылъ сильнымъ могучимъ воиномъ. — Священно-витязи сражались здѣсь въ въ наглавіяхъ схимонаховъ; тѣла Пересвѣта и Ослябя перевезены въ Москву, какъ бывшихъ сановниковъ и похоронены въ старомъ Симоновомъ монастырѣ, основанномъ св. преподобнымъ Сергіемъ (нынѣ приходская церковь Рождества, въ Симоновской слободѣ).—При Екатеринѣ Великой найдена тамъ древняя гробница ихъ подъ колокольнею, и перенесена въ церковь *Рождества Богородицы*, построенную св. Сергіемъ, въ память Куликовской битвы; надгробной камень съ гробницы этой на церковной паперти задѣланъ тамъ вертикально въ стѣнѣ (И. Г. Р. т. V. пр. 69. 82. 122). — Въ новомъ Симоновомъ монастырѣ (въ полуверстѣ отъ ста-

Сражающіеся изъ густыхъ рядовъ разступаясь ширились болѣе и болѣе, облегли всѣ истоки Смолки, и потомъ на десяти верстахъ, ручьями лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. — Ряды смѣшались, — люди гибли подъ конскими копытами.... Прошелъ часъ, прошелъ другой, — отчаянная битва и месть свирѣпѣли болѣе и болѣе; подъ мракомъ стрѣлъ и при оглушающемъ ревѣ разверстаго ада «*крѣпко сступились вои; отъ тяжкихъ ударовъ ихъ и долъ и холмъ стонали: трескались копья, звенѣли доспѣхи, стучали щиты, разили сѣкиры, гремѣли мечи, — блистали сабли!*» — Съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, — дрогнули, и обратили тылъ. — Татары за ними открыли себѣ путь къ большому великокняжескому «*стягу*» (знамени), и едва не овладѣли имъ; вѣрная дружина боль-

---

раго), основанномъ св. Ѳеодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія, написаны Пересвѣтъ и Ослябя во весь ростъ, на церковной папертп. — Никоновская лѣтопись говоритъ: « изыде изъ полку татарскаго печенѣгъ, богатырь великъ зѣло. Въ Кіевскомъ Синопсисѣ (свит. 121. глав. 20), названъ онъ *Челубеемъ*.

шаго московскаго полка отстояла его съ напряженіемъ всѣхъ послѣднихъ силъ своихъ, и потеряла боярина Брянока и множество храбрыхъ воиновъ.— Уже многія тысячи ихъ легли костьми въ полѣ, и главные вожди: князь Θеодоръ Бѣлозерскій съ сыномъ своимъ Іоанномъ и племянникомъ Θеодоромъ; князья Іоаннъ, Θеодоръ и Мстиславъ Торусскіе; бояре: Мининъ, Шуба, Морозовъ и Серкисъ,—пали (398).—Насталъ третій часъ по-полудни, сражающіеся разрѣдѣлись.... ручьями кровь лилась въ рѣчки Дубикъ и Смолку и грудами лежали тѣла убитыхъ, на нѣсколькихъ верстахъ Куликова поля.— Побагровилъ Донъ притекшею кровію!... Остервенѣлые Монголы одолѣвали и гнали въ одномъ мѣстѣ; Русскіе, призывая на помощь Спасителя Бога, въ другомъ мѣстѣ.

---

(398). Въ лѣтописяхъ находимъ убитыхъ еще: Семена Мелика командовавшаго передовыми отрядами, Ивана Александровича, Василія Перфильевича, Каргаша Михайловича «*и иніи мнози, ихъ же имена суть писаны въ книзѣ животной; здѣсь же писаны токмо князи и бояре нарочитые, кои въ горькомъ, престрашнемъ часѣ семъ, на брани смертную чашу испи.*» (Сѵнодикъ въ VI т. Вивліоѳики Никол. Иван. Новикова, стр. 451. примѣч. 173).

Князь Владиміръ Андреевичъ тосковалъ въ засадѣ, видѣлъ гибель своихъ и рвался на битву; но опытный вождь Волынскій, — главный распорядитель битвы, удерживалъ его.—Наконецъ въ третьемъ часу по-полудни, подулъ восточный вѣтръ въ тылъ засаднаго полка. «*Приспѣлъ часъ*!» возопилъ князь Волынскій, тщательно наблюдавшій доселѣ за ходомъ трехъ-часовой битвы, обнажилъ мечъ, велѣлъ подать трубный гласъ,—и свѣжее засадное войско съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ понеслось изъ-за дубравы (399), громоносною тучею, перебросилось за Смолку,—ударило на враговъ, и въ одинъ часъ времени рѣшило судьбу побѣды.—Монголы отъ внезапнаго удара дрогнули на всѣхъ концахъ поля; утомленные четырехъ-часовымъ непрерывнымъ боемъ,—смѣшались, стали отступать къ рѣчкѣ Курцу и къ *красному холму*; гдѣ послѣднія силы ихъ уже ослабѣли, такъ что испустивъ отчаянный вопль, они стремглавъ побѣжали на югъ, оставя несмѣтное число убитыхъ и раненыхъ и

(399). Досего времени на мѣстѣ этомъ (планъ битвы, цифра 7) стоятъ нѣсколько десятковъ заповѣданныхъ дубовъ,—остатковъ приснопамятной дубравы этой (см. ниже село Рожествено—Монастыршину).

не было.... Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой?» гдѣ первоначальникъ нашей славы? Никто не могъ вымолвить о немъ съ отчаянія... Димитрій сдержалъ свое государское слово: сказалъ, что будетъ,—и былъ впереди всѣхъ!... Одни изъ воеводъ сказывали, что видѣли его бьющагося противъ четырехъ татаръ; юный князь Стефанъ Юрьевичъ Новосильскій сказывалъ, что видѣлъ его послѣ въ сторонѣ тяжко идущаго отъ убоевъ и ранъ нетвердыми шагами; но самъ защищаясь отъ трехъ татаръ, не могъ подать ему ни помощи, ни коня своего; общій слухъ былъ, что его сбили съ коня и тяжко ранили. — Начали повсюду искать Димитрія между мертвыми,—ужасались находя убитыхъ, похожихъ на него; но это были князь Ѳеодоръ Романовичъ Бѣлозерскій и бояринъ Михаилъ Александровичъ Брянокъ (401); между убитыми

(401). Другія лѣтописи называютъ его «Бренокъ». — Пораженный въ самое *чело* храбрый бояринъ этотъ оставилъ потомковъ — подъ именемъ дворянъ *Челищевыхъ.* Фамильное преданіе это передано мнѣ каширскимъ помѣщикомъ Никаноромъ Ивановичемъ Челищевымъ.—Бояре *Брянoки* не перешли ли съ матерью Донскаго инокинею Маріею (Александрою) Димитріевною, рожденною княжною Брянскою, изъ

нашли еще знатныхъ вождей: князя Дорогобужскаго Димитрія Монастырева; бояръ: Семена Михайловича; Николая (Микулу) Василіевича Вельяминова (402); Михаила Ивановича Челядина и Тимоѳея Василіевича Волуева (403).—Наконецъ двое костром-

---

Брянска? — и можетъ быть прозваны потомъ по родовому своему городу?... Михаилъ Александровичъ, вѣроятно, съ юныхъ лѣтъ былъ взятъ ко двору и воспитывался вмѣстѣ съ Димитріемъ въ Москвѣ; почему и былъ самымъ близкимъ его другомъ.

(402). Вторый сынъ, послѣдняго московскаго тысяцкаго Василія Васильевича, правнукъ Вельямина, былъ женатъ на княжнѣ Маріи Димитріевнѣ Суздальской и Нижегородской, младшей сестрѣ великой княгини Евдокіи, слѣдовательно былъ свояком Димитрію Донскому. — Отъ древнихъ Вельяминовыхъ этихъ ведутъ родословныя свои: дворяне Вельяминовы, знаменитые князья и графы Воронцовы, и дворяне Вельяминовы — Воронцовы, Аксаковы, Исленевы и Башмаковы (Энц. лек. IX—334, XII—47).—Святый Ѳеодосій Печерскій, далъ родоначальнику ихъ, князю Шимону (Симону) Африкановичу (изъ варягъ, прибывшему въ Кіевъ 1037 года), прощальную на на кончину хартію (Кіев. Патерикъ 1783 г. стр. 88 и 89).

(403). Въ Московской патріаршей библіотикѣ, въ сунодикѣ подъ N 465 сказано: «глашати *вѣчную пимять*: « князю Ѳеодору Бѣлозерскому и сыну его Ивану, и

скихъ дворянъ—воиновъ,—Θедоръ Сабуровъ (404) и Григорій Хлопищевъ нашли Димитрія въ лѣсѣ подъ березою, избитаго и лежащаго въ забвеніи отъ нанесенныхъ ему вражескихъ ударовъ (см. планъ битвы, цифра 8); оба воины эти съ таковымъ радостнымъ извѣстіемъ поспѣшили къ князю Владиміру Андреевичу и прочимъ вождямъ.

Радостная вѣсть о Димитріѣ разлилась по всему оставшемуся воинству, и собрала всѣхъ вождей

«Константину Ивановичу, убіенныхъ отъ безбож-
«наго царя Мамая, *вѣчная память!* и въ той же
«брани избіеннымъ: Симеону Михайловичу, Микулѣ
«Василіевичу, Тимоѳею Василіевичу Волуеву, Ан-
«дрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и
«другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу,
«Симеону Мелику, и всей дружинѣ ихъ по бла-
«гочестію скончавшимся за святыя Божія церкви и
«за всѣхъ православныхъ христіанъ, *вѣчная па-*
«*мять!*»

(404). Сабуровъ этотъ былъ прадѣдъ великой княгини Соломоніи, первой супруги государя Василія Іоанновича, и родной братъ Ивану Годуну, прапрадѣду царя Бориса Θеодоровича Годунова. — Сабуровы и Годуновы произошли отъ одного родоначальника, принявшаго христіанство въ Москвѣ, татарскаго мурзы Чета—Захарія, около 1332 года, при Іоаннѣ Калитѣ (И. Г. Р. т. IV—149 пр. 324).

вокругъ лежащаго великаго князя.—Герой открылъ глаза смеженные было близкою смертію,—открылъ ихъ, и увидѣлъ славу меча Русскаго, и спасеніе отечества!... видя брата, князей, радостныя лица,—слыша привѣтствія побѣды,—Димитрій ожилъ духомъ, сотворилъ крестное знаменіе, всталъ и увидѣлъ лично знамена христіанъ надъ трупами враговъ!... тогда въ восторгѣ сердца преклонилъ онъ колѣна вновь предъ тѣмъ же образомъ Спасителя, сіявшимъ на его великокняжескомъ знамени, и слезно молясь, возблагодарилъ Господа-Силъ за спасеніе отечества и неожиданную побѣду.—Потомъ сталъ обнимать ратныхъ сподвижниковъ—друзей своихъ: брата Владиміра, князей Ольгердовичей и всѣхъ прочихъ вождей,—цѣловалъ самыхъ простыхъ дворянъ—воиновъ, и сѣлъ на коня здравый веселіемъ духа, не чувствуя ранъ, ни изнуренія силъ (405).—

(405). Строевская лѣтопись говоритъ: «доспѣхъ весь «битъ на немъ и язвленъ, но на тѣлеси его не «бысть раны никоея же,—и многое удареніе по «главѣ его и по плещемá его.»—Но въ Архангель-«ской лѣтописи (стран. 85) сказано, что онъ былъ израненъ, и всѣ подробности какъ найденъ Сабуровымъ и Хлопищевымъ подъ березою въ лѣсѣ.—

Шлемъ и латы его были всѣ избиты въ бою,— но Господь Богъ чудеснымъ образомъ спасъ уповающаго на Него среди безчисленныхъ опасностей.

Димитрій сопровождаемый князьями и воеводами, объѣхалъ все поле битвы, спѣшилъ помочь раненымъ, благодарилъ живыхъ, благословилъ почившихъ славною смертію за отечество (406). — Вся

Всѣ соображенія и вѣроятія на сторонѣ сего послѣдняго лѣтописца. Побѣдоносный день этотъ на всю жизнь разстроилъ драгоцѣнное здоровье Димитрія; измѣнилъ въ немъ духъ при нашествіи на Москву варвара Тохтамыша, и преждевременно низвелъ героя въ могилу (скончался 18 мая 1389 года, на 39-мъ годѣ безсмертной славою своей жизни).

(406). Синопсисъ говоритъ: «И нача князь великій со «всѣми князьями и воеводами ѣздити по всему по- «боищу, сердцемъ же клицаше, слезами умываясь, «и наѣхалъ мѣсто идѣже лежаша князи Бѣлозерстіи, «вкупѣ побіеніи, иже тольма бишася крѣпко, яко «единъ другаго ради умре. — Здѣсь же близко лежаше «и шуринъ его Микула Васильевичъ (Вельяминовъ). — «Надъ ними же ставъ великій князь, нача плакатися «и глаголати: братія моя милая, князіи и сынове «Русскіи положившіе за вѣру святую главы своя, «молитеся за ны ко Господу!...» Строевская лѣтопись присовокупляетъ: «Димитрій ставъ на пога- «ныхъ *обѣдищахъ* и на костяхъ татарскихъ, утеръ «поту своего, отдыхая отъ великихъ трудовъ

прошедшая и послѣдующая жизнь *Донскаго* героя, слилась въ одномъ великомъ днѣ «*осьмаго сентября 1380 года*» (407), и гремитъ безсмертіемъ присно памятной славы въ сердцахъ потомства.

«своихъ... и обрѣте корысть многу, стада коней и «вельбуды (верблюды) и волы, имъ же нѣсть чис-«ла, — и доспѣхи и одежды и весь станъ». — При чемъ взятъ мамаевскій *золотой кубокъ*, каковымъ въ послѣдствіи царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, 1591 года, за спасеніе Москвы отъ Крымскихъ Татаръ пожаловалъ *слугу* своего, большаго боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова (И. Г. Р. т. X ст. 90).

(407). Приснопамятный день этотъ былъ ясный, послѣ утренняго тумана во все время солнце освѣщало кровавое позорище страшной битвы, съ утра до 3-го часа по-полудни дулъ сильный западный вѣтръ, въ лицо *засаднаго полка* стоявшаго въ дубравѣ; послѣ сего вѣтеръ перешелъ въ діаметральную противоположность, и сталъ дуть съ востока, въ тылъ полку тому (см. пл. битвы, цифра 6 и 7). — Битва съ 12-го по 4-й часъ по-полудни, продолжалась болѣе 4-хъ часовъ (И. Г. Р. т. V пр. 79). Изъ всего видно, что гордые властители наши Монголы не ожидали таковаго смѣлаго удара отъ Димитрія, и имѣя несравненное превосходство силъ, обезумили и не умѣли воспользоваться обходомъ въ тылъ Русскихъ полковъ. — Видно, что войска Московскія застали ихъ надъ котлами, безпечно обѣдавшихъ, и ничего не ожидавшихъ. — Строевская лѣто-

Взмокло кровію обширное поле побѣды, и превратилось въ страшное кладбище, гдѣ многое множество лежало христіанъ, и несмѣтное число Татаръ (408); сотнями тысячъ нечестивыхъ тѣлъ ихъ,

---

пись говоритъ: «Димитрій ставъ на поганыхъ *обѣдищахъ*» и проч. (прим. 406).—Самая безпечно-допущенная Татарами атака отъ Русскихъ, явно обнаруживаетъ, что въ двѣнадцатомъ часу дня они заняты были обѣдами, и появленіе Русскихъ войскъ вѣроятно приняли сначала за вспомогательныя силы Литовскаго великаго князя Ягеллы.—Горько ошиблись!...

(408). Архангельская лѣтопись полагаетъ число убитыхъ съ нашей стороны князей, бояръ и воеводъ 526-ть, простыхъ воиновъ 250,000 (?!).—Съ татарской же стороны на Куликовомъ полѣ и на 50-ти верстной степи, до рѣки Красивой—Мечи 1,200,000 человѣкъ (??!).—Другія лѣтописи только 700,000 человѣкъ (!?). И все ужасно невѣроятно!—Покойный Н. А. Полевой говоритъ, что лѣтописцы увлеклись греческими преувеличиваніями (гиперболами), и что Ксерксово ополченіе встрѣчается у всѣхъ народовъ (И. Р. Н. т. V ст. 123. пр. 130). — На неменѣе ужасномъ, современномъ намъ Бородинскомъ боѣ, въ 26-й день августа 1812 года, гдѣ со стороны нашей и Французовъ при равенствѣ силъ, 1640 орудій и 225,000 ружей,—этихъ глаголовъ смерти, огнекрылатыхъ стрѣлъ,—гремѣвшемъ съ ранняго утра до поздней ночи; и, при всемъ этомъ развер-

завалены были всѣ мѣстные овраги рѣчекъ Смолки и Дубика, и остались здѣсь въ огромную добычу хищнымъ звѣрямъ и птицамъ... «Здѣсь утомилась смерть столь грозной, страшной жатвой! Здѣсь бились Русскіе,—здѣсь ихъ носился мечъ,—и долъ и холмъ стонали!»

На другой день князь Димитрій Михайловичъ Волынскій возвратился съ засаднымъ полкомъ отъ береговъ Красивой — Мечи и былъ торжественно встрѣченъ зятемъ своимъ, героемъ Донскимъ, воздававшимъ ему славу и честь, какъ старшему пол-

---

стомъ адѣ, убито съ обѣихъ сторонъ не болѣе 40,000 человѣкъ,—и вѣроятно столько же раненыхъ (Энц. лексик. VI ст. 404—411). — Конечно безъ огнестрѣльнаго оружія, рукопашный бой древнихъ битвъ былъ несравненно гибельнѣе.—Н. М. Карамзинъ, при его историческомъ соображеніи полагаетъ въ Мамаевомъ побоищѣ съ обѣихъ сторонъ убитыхъ 200,000 человѣкъ и вѣроятно столько же раненыхъ (И. Г. Р. т. V ст. 37).—Сила Татаръ по всѣмъ этимъ соображеніямъ могла восходить выше 300,000 человѣкъ, обоихъ же ратующихъ силъ болѣе полумилліона. — Лейбцигская битва народовъ Европы (1813 года 16-го октября) одна можетъ только равняться громаднымъ числомъ войскъ съ Куликовскою битвою.

ководцу, главному распорядителю безсмертной Куликовской битвы.—Преслѣдовать бѣгущаго Мамая далѣе было невозможно: не имѣя запасовъ продовольствія, въ тогдашнихъ пустынныхъ мѣстахъ, Волынскій могъ бы потерять все порученное ему войско.

Съ 9-го по 16-е сентября,—8-мь дней сряду великій князь съ остатками побѣдоноснаго воинства предавалъ землѣ отцевъ и братій на брани убіенныхъ, воздавая имъ хвалу и честь, и послѣднія лобзанія; гдѣ воздвигнулъ тогда же на святыхъ костяхъ ихъ деревянную церковь во имя праздника «*Рождества Богородицы*» (день битвы) и снабдилъ ее церковною полковою утварью (409). Тѣла же

---

(409). Въ громадномъ числѣ убитыхъ тѣлъ, грудами лежащихъ на десяти-верстномъ пространствѣ, сначала должно было отдѣлить христіанъ отъ невѣрныхъ и потомъ свезти ихъ въ одно мѣсто; для чего, по древнему преданію, избрано было Димитріемъ мѣсто на правомъ берегѣ Непрядвы, между *большимъ* оврагомъ и впаденіемъ ея въ Донъ, равно отстоящимъ отъ обоихъ концевъ поля, по семиверстному радіусу (см. планъ битвы, цифра 12). Здѣсь-то из-

знаменитыхъ мужей, которымъ Димитрій платилъ дань слезами и поминовеніемъ, были положены въ дубовыя колоды, и отвезены на родину, для погребенія съ предками: такъ тѣла героевъ — иноковъ Пересвѣта и Ослябя похоронили въ Московской Симоновой обители, основанной знаменитымъ игумномъ, преподобнымъ Сергіемъ (397). Много *рожественскихъ* храмовъ воздвигнуто было потомъ, въ память незабвеннаго дня безсмертной Куликовской битвы (410).

рыты были огромныя могилы, восприявшія тѣла православныхъ воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру и отечество (пр. 421).—Во главѣ же священныхъ могилъ этихъ на востокъ, поставлена была вышесказанная деревянная церковь *Рождества Богородицы*; этотъ святый надгробный храмъ, памятникъ небесныхъ силъ, первоначатокъ нашей великой *родительской субботы*; гдѣ сыны Россіи въ безсмертную славу спасителямъ,—древнимъ отцамъ своимъ, обязаны достойнымъ и величественнымъ памятнымъ храмомъ (см. село Рожествено-Монастырщина, и планъ битвы цифра 13).

(410). Въ Коломнѣ, Бобреновскій монастырь—Рождества Богородицы, по преданіямъ, основанъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ *Волынскимъ—Бобренкомъ*, и проименованъ по прозвищу его,—*Бобре-*

Уже послѣ побѣды узнали, сколь полезенъ былъ совѣтъ Литовскихъ князей Ольгердовичей (411) поспѣшить битвою: враждебный братъ ихъ, великій князь Ягелло выступилъ отъ границъ Одоева къ Непрядвѣ, и былъ уже въ 30 или 40 верстахъ отъ

новскимъ. Въ Москвѣ церковь *Рождества Богородицы* въ старомъ Симоновѣ (слободѣ); другая на Солянкѣ, гдѣ вся окрестность именуется въ память Куликовской битвы «*кулишками*». — Супруга Донскаго героя, великая княгиня Евдокія Димитріевна, въ инокиняхъ святая *Евфросинія*, въ вѣчную память битвы сей, воздвигла *Рожественскій женскій* монастырь въ Москвѣ на *Кучковомъ полѣ*, — нынѣ въ концѣ *рожественки*, на трубѣ. — Св. Евфросинія скончалась 1407 года, и погребена въ своемъ кремлевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, послужившемъ потомъ мѣстомъ погребенія Московскимъ великимъ княгинямъ и царицамъ. Память ея совершается церковію въ 7-й день іюля (Ист. словарь святыхъ 1836 года, стр. 102—103). Евдокія оставила по себѣ въ исторіи краснорѣчивый «*Плачъ*» свой, по кончинѣ героя-супруга (18 мая 1389 года, прим. 405). (И. Г. Р. т. V—237—239; прим. 428 и 429).

(411). Друзья *Донскаго*, родные *Храбраго*, знаменитые князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи Литовскіе, 1399 года оба пали отъ Татаръ при Ворскленской битвѣ, данной Литовскимъ великимъ княземъ Ви-

Куликова поля.—Приходомъ своимъ къ Мамаю онъ могъ погубить Димитрія и Россію. Узнавъ о побѣдѣ нашей Ягелло поспѣшилъ поворотить полчища свои назадъ, такъ, что Московскіе легкіе отряды не могли настигнуть ихъ нигдѣ. Герой Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ съ радостною вѣстію гонцевъ въ Коломну, въ Москву, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Ярославъ, Кострому, Нижній-Новгородъ; гдѣ весь народъ, свѣдавъ о переходѣ войскъ своихъ за Оку, денно и нощно молился во храмахъ Божіихъ ожидая страшныхъ событій.

Обратное шествіе Димитрія съ *Мамаева побоища* къ Коломнѣ и Москвѣ было великимъ торжествомъ: его, Владиміра, князей, бояръ, воеводъ, и оставшихся воиновъ—побѣдителей, вездѣ встрѣчали какъ спасителей отечества; вездѣ гремѣла хвала Богу и

товтомъ ханамъ Тимуру и Эдигею при рѣкѣ Ворсклѣ, близъ нынѣшней Полтавы (И. Г. Р. т. V. ст. 99). Князь Димитрій Ольгердовичъ владѣлъ Трубчевскомъ, и былъ у насъ родоначальникомъ знатнаго дома князей Трубецкихъ, по удѣльному городу Трубчевску, на рѣкѣ Деснѣ, Орловской губерніи.

герою *Донскому*. Народъ смотрѣлъ на Димитрія, какъ на ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію небеснаго благословенія. Съ 21-го по 25 сентября пробылъ онъ въ Коломнѣ; куда съ торжествомъ внесъ онъ бывшую съ нимъ соборную икону Божія Матери отселѣ проименованную «*Донскою*» (см. примѣч. 384 и И. О. Тул. губер. Іерархія). Въ 26-й день сентября Москва торжествовала прибытіе своего героя: духовенство (384) со святыми иконами и крестами, супруга великая княгиня Евдокія съ десятилѣтнимъ наслѣдникомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, другимъ сыномъ Юріемъ Димитріевичемъ, и прочими дѣтьми, встрѣтила побѣдителя за *Флоровскими* (Спасскими воротами кремля); потомъ святый Сергій имѣлъ сердечную радость поздравить Димитрія въ своей Троицкой обители, и вмѣстѣ съ нимъ благодарить Господа—Силъ за первую побѣду надъ Татарами, и совершеніе столь великаго дѣла, о которомъ такъ много молитвъ пролiялъ онъ ко Господу, столько разъ думалъ съ старшимъ другомъ своимъ, усопшимъ святымъ Алексѣемъ митрополитомъ (И. Г. Р. т. V. пр. 85). Послѣ сего *Донской* пожаловалъ Троицкому монастырю святаго Сергія 12-ть селеній въ уѣздахъ: Радонежскомъ, Дмитровскомъ и Углицкомъ, и первый положилъ начало большимъ

въ послѣдствіи имѣніямъ и богатствамъ знаменитой Сергіевской лавры.

Узнавъ о побѣдѣ *Донскаго*, крамольный великій князь Олегъ Іоанновичъ съ сыномъ своимъ Θеодоромъ и всѣмъ семействомъ бѣжалъ изъ Рязани въ Литву; откуда уже умолилъ Димитрія о примиреніи, и съ раскаяніемъ возвратясь на престолъ свой 1381 года, призналъ Димитрія — старшимъ, Владиміра—равнымъ братомъ; потомъ 1386 года, женилъ сына своего Θеодора на дочери Донскаго, княжнѣ Софіи Димитріевнѣ, и заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ (412); призналъ

---

(412). Въ оба раза примирителемъ державныхъ родныхъ былъ святый Сергій Радонежскій. Въ мировой 1381 года сказано: «добра хотѣти во всемъ отъ чистосердечья, а что ся ни дѣяло дотолѣ, тому *погребъ* (а все, что ни дѣлалось до сего, быть погребену забвеніемъ); а мыта (пошлинъ) съ воза по деньзѣ (по денежкѣ); а съ пѣшехода мыта нѣтъ (И. Г. Р. т. V пр. 86). —Изъ этаго видно, что между владѣніями князей были таможенныя заставы, гдѣ съ торговыхъ провозовъ брали *(мыты)* пошлины. —Олегъ пережилъ Мамая, Тохтамыша и Димитрія, скончался 1404 года, и похороненъ въ *Солотчинской* оби-

Оку, вверхъ отъ Коломны по рѣку Цну, границею между Московскимъ и Рязанскимъ великимъ княженіемъ. При чемъ Димитрій взялъ рязанскій городъ Тулу къ себѣ, какъ стратегическій пунктъ, могущій служить опорою Москвѣ, въ случаѣ татарскихъ нашествій (Собр. Гос. грам. ч. I. N 32-й; прим. 67 къ Ист. обозр. Тул. губерніи).

Съ незапамятныхъ временъ *Мамаево побоище* было первымъ великимъ ратнымъ дѣломъ, когда мечи Русскіе устремились не противъ родныхъ,—первымъ, гдѣ Россъ сталъ въ открытый, смѣлый бой съ свирѣпымъ властителемъ своимъ—Монголомъ, и чрезъ полтараста лѣтъ отмстилъ ему за честь Мстислава—*Удалаго;* за гибель на рѣкѣ Сити; за избіеніе цѣлыхъ поколѣній отцевъ и братій своихъ, истерзан-

---

тели, находящейся близъ Оки, въ 18-ти верстахъ выше нынѣшней Рязани, на берегу рѣчки *Солотчи*, впадающей въ Оку.—Кости Олега донынѣ видны тамъ въ гробницѣ.—Рязанскіе богомольцы, посѣщая обитель эту, прикладываются къ кольчугѣ Олега, и кланяются костямъ бывшаго своего великаго князя.—Шлемъ, мечъ и панцырь Олега хранятся въ Рязани при архіерейскомъ домѣ, въ ризницѣ.

ныхъ налогами и откупщиками; за пепелища безчисленнаго множества городовъ и селеній.... и смертныя мученія стольких князей!... Свершились надежды покойнаго наставника Димитрія, ангела-хранителя Россіи, святаго Алексѣя митрополита (413), исполнились молитвы святаго, преподобнаго Сергія (388). Крамола великихъ князей: Смоленскаго; Тверскаго, и явная измѣна отечеству Рязанскаго, холодная, боязливая политика Нижегородскаго, равно какъ не участіе Новгорода и Пскова, не удержали смѣлаго,—пламеннаго Димитрія! Русь пожала плоды пятидесятилѣтней политики умнаго Іоанна Калиты,

---

(413). Святый Алексѣй митрополитъ за два года предъ этимъ скончался на 85 годѣ богоугодной жизни своей.—Въ мірскомъ чинѣ онъ былъ московскимъ бояриномъ Елевѳеріемъ Ѳеодоровичемъ Бяконтомъ, крестнымъ отцемъ его былъ великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита. — Отъ родныхъ братьевъ св. Алексѣя произошли дворянскіе домы: Плещеевыхъ, Басмановыхъ, Жеребцовыхъ и Игнатьевыхъ.—Святыя мощи его открыты 1439 года въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, при государѣ Василіѣ Темномъ.—Въ правительствѣ всероссійскою церковію, и поддержаніи Московскаго великаго княжества, въ малолѣтствѣ Донскаго, показалъ онъ безсмертныя свои заслуги отечеству.

Симеона Гордаго, и святаго Алексѣя митрополита. Что же могло воздать отечество своему первоначальнику славы?!... Оно воздало ему памятью безсмертною: съ этаго времени геройское имя «*Донскаго*» слилось съ названіемъ *побѣдителя Татаръ*, во дни его «*воскипѣла славою земля Русская*;» братъ его князь Владиміръ Андреевичъ названъ «*храбрымъ*». Подъ такимъ отличіемъ перешли они изъ вѣка въ вѣкъ,—изъ рода въ родъ. Святая православная церковь на всегдашнія времена узаконила въ *недѣлю православія* провозглашать имъ *вѣчную память*, и творить поминовеніе по убіеннымъ въ *родительскую Димитріеву субботу* (414) на вѣчныя времена.— Исторія великое событіе это, какъ драгоцѣнный перлъ народной славы, приняла и начертала въ безсмертныхъ скрижаляхъ своихъ. Лѣтописцы, поэты

---

(414). Димитріевская суббота бываетъ ежегодно въ ту недѣлю, въ которую приходится праздникъ св. мученика Димитрія Солунскаго (26 октября)—день ангела великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго, родившагося 1350 года въ Москвѣ. — *Родительскою* названа она по безчисленной потери отцевъ и братій, положившихъ за вѣру и отечество животъ свой на Куликовомъ полѣ; «*идѣже отцы и братіе испи за насъ грѣшныхъ горькую чашу*

и молва славила повсюду (415), какъ «уповая «на милость Божію и на пречистую Матерь Богородицу, призывая на помощь честный крестъ — «Димитрій вошелъ за Донъ въ землю татарскую; «какъ, помяну реченное пророкомъ: единъ пожнетъ

смерти» (прим. 409). — Благочестивый и приснопамятный обрядъ этотъ, ежегодно совершаемый, въ послѣдующіе вѣки присовокупилъ къ нему и всѣхъ въ надеждѣ живота и воскресенія усопшихъ родителей и родныхъ въ каждомъ семействѣ. Недѣлею *православія* именуется *первое воскресеніе*, по окончаніи первой недѣли великаго поста; когда творится воспоминаніе всѣхъ 7-ми вселенскихъ соборовъ, и благотворителямъ отечества провозглашается *вѣчная память*, а злодѣямъ и извергамъ, — *анаѳема.*

(415). Лѣтописи: Ростовская, Троицкая, Сνнодальная, Софійская, Новогородская, Архангельская и Строевская, гдѣ разныя отмѣны и противорѣчія отличаютъ событіе это; но основаніе одно и тоже. — Самое расцвѣченное въ Никоновской лѣтописи и Кіевскомъ Синопсисѣ, взятое изъ рукописи рязанскаго іерея Софронія, XV вѣка, исполненное анахронизмами — сказаніе о побоищѣ вел. кн. Димитрія Донскаго, истинная поэма въ прозѣ, напечатано въ «Русск. Зрителѣ» профессоромъ И. М. Снѣгиревымъ (Моск. 1829 года. ч. V). — Нашей тульской гимназіи, покойный учитель Ѳеофил. Гавр. Покровскій также

«тысящи, и два подвигнутъ тьмы (416), аще Господь
«предастъ враги въ руки ваши,—отъ страха Божія
«(417) и оружія христіанъ пали безбожные Агаряне,
«и вознесъ Богъ десницу князя великаго Димитрія
«и брата его Владиміра (418) на побѣду иноплe-

напечаталъ своего Димитрія Донскаго 1823 года, и другіе писатели издавшіе свои брошюры; изъ сочиненій этихъ нельзя заимствовать и двухъ словъ для исторіи.—Весьма жаль, что художники академіи нашей до сего времени не олицетворили славнаго событія этаго достойною иллюстраціею.—Куликовская битва есть главный памятникъ нашей народной славы.

(416). Тьма въ славянскомъ счетѣ значитъ 10 тысячъ. —«*Темникъ*»—воевода 10 тысячъ войскъ.

(417). Лѣтописцы говорятъ, что воины: Василій Капица, Семенъ Антоновъ и стражъ Ѳома Хабычевъ, видѣли ангеловъ и русскихъ святыхъ, поборающихъ христіанамъ: «небо отверзто и облакъ яко багряна заря исполнь бяше рукъ человѣческихъ,—иныя вѣнцы, — иныя цвѣты прекрасны держаху! — Сколько поэзіи!...

(418). Князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый, истинный рыцарь нашъ безъ *страха и укоризны*, по смерти Донскаго, великодушно отказался отъ Московскаго великокняжескаго престола, жертвуя для отечества старшинствомъ и жизнію, — первый сталъ служить племяннику, великому князю Василію Ди-

«меньшихъ». Такъ говорили современники, и тогда же перешла вѣсть эта въ дальнія страны (419).

Огромныя жертвы, принесенныя героями православнаго воинства на Куликовомъ полѣ, не спасли отечество отъ татарскаго ига: ханъ Тохтамышъ,

---

митріевичу, и 1408 года вновь имѣлъ счастіе спасти Москву отъ хана Едигея.—Былъ женатъ на дочери Литовскаго великаго кн. Ольгерда—Еленѣ, сестрѣ ратныхъ товарищей своихъ Андрея и Димитрія Ольгердовичей, имѣлъ отъ нея 6-ть сыновъ, изъ коихъ Ярославъ построилъ городъ *Малоярославецъ*.—Самъ *Храбрый* построилъ крѣпость въ Серпуховской своей волости, и назвалъ городомъ *Серпуховымъ*, на рѣчкѣ Серпуховкѣ впадающей въ Оку.—Скончался въ московскомъ дворцѣ своемъ 1410 года, на 59 годѣ знаменитой славою жизни.—Имя великодушнаго героя Владиміра въ Русской исторіи сіяетъ лучезарнымъ безсмертіемъ; тогда какъ жертвой политики, единственный внукъ его, достойный дѣда, Василій Ярославичъ умеръ въ московской тюрьмѣ 1483 года; а правнукъ Іоаннъ Васильевичъ погибъ на чужбинѣ въ изгнаніи (И. Г. Р. т. V. ст.—204; тома VI, пр. 396). Sic transit gloria mundi!...

(419). Кранцъ, нѣмецкій писатель XV вѣка, говоритъ о задонской битвѣ въ своей (Wandalia libr. IX—207).—Вѣроятно Новогородская ганза передала объ этомъ въ Германію.

низложивъ въ ордѣ Мамая, 1382 года выжегъ Москву въ 26 день августа, и завоевалъ вновь Московское великое княженіе.... Но эта первая великая побѣда надъ Татарами оживила упадшій духъ Русскихъ, и пробудила народную славу. Предки наши узнали, что Татары могутъ быть побѣждены, и что есть возможность уничтожить иго татарское. До сего считали они возстаніе противъ враговъ—губителей невозможнымъ, какъ противъ ниспосланнаго за грѣхи гнѣва небеснаго. Судьбы Провидѣнія Божія безпримѣрною битвою этою возродили силы Россіи, и были въ несомнѣнной связи дѣйствій съ причинами отдаленными, послужившими потомъ основаніемъ успѣховъ совершеннаго уничтоженія татарскаго ига, внукомъ Донскаго, первымъ *самодержцемъ* Іоанномъ III-мъ, при послѣднемъ царѣ, властителѣ нашемъ ханѣ Ахматѣ, и безъ рѣшительной битвы. Эпоха эта совершилась, съ 1380 года ровно чрезъ сто лѣтъ,—1480 года.

Спустя 15-ть лѣтъ, послѣ безсмертной славою *Мамаевской-Куликовской битвы*, грозный завоеватель востока, Тамерланъ (Тимуръ-ленгъ), по взятіи Ельца, съ несмѣтными силами своими пошелъ вверхъ по Дону, и около 10 августа 1395 года проходилъ

съ ордами своими по пустынному тогда *Куликову полю*, гдѣ конечно видѣлъ еще возвышенныя могилы падшихъ здѣсь Русскихъ воиновъ, и груды костей родныхъ своихъ Монголовъ!... и вѣроятно не пощадилъ знаменитой *родительской церкви* Донскаго.... За симъ этотъ бичъ Божій, около двухъ недѣль стоялъ у верховья Дона, близъ нашего Иванъ-озера, и 26 августа неожиданно поворотилъ полчища свои назадъ (420), громить Золотую орду верховнаго обладателя нашего царя Тохтамыша, и столицу его *Сарай* близъ Волги, на рѣкѣ Ахтубѣ

---

(420). Сынъ Донскаго, Московскій великій князь Василій Димитріевичъ, выступивъ противъ Тамерлана съ полками своими, стоялъ тогда на берегахъ Оки, близъ Коломны, и когда по благочестивой волѣ его знаменитая икона Владимірской Божіей Матери, въ 26 день августа, была перенесена въ Москву, въ тотъ самый день и часъ Тамерланъ, въ *придонскомъ* станѣ дремавши въ шатрѣ своемъ, видѣлъ страшный сонъ: «высокую гору и идущихъ съ нея святителей съ «золотыми жезлами; надъ ними же въ сіяніи луче«зарномъ явилась жена благолѣпія и величія неопи«саннаго, окруженная тьмами молніеносныхъ воинствъ;» все это видѣніе устремилось на Тамерлана. — Онъ проснулся испуганнымъ, и повелѣлъ полчищамъ своимъ поворотить назадъ (И. Г. Р. т. V. прим. 157).

(И. Г. Р. т. V—86). Покойный Н. А. Полевой говоритъ, что Тамерланъ не отходилъ отъ рѣчки Сосны и пепелищъ Ельца (И. Р. Н. т. V. ст. 204); но исторіографъ, слѣдуя древней лѣтописи и Histoire de Temur-Bey, говоритъ, что онъ изъ Ельца пошелъ къ верховью Дона. Судьбами Провидѣнія Божія Тамерланъ этотъ сильно потрясъ, и много разстроилъ воинственный бытъ повелителей нашихъ, приволжскихъ Татаръ. Послѣ Тамерлана, иго татарское продолжалось не съ большимъ 80 лѣтъ.

При Іоаннѣ Грозномъ крымскіе мурзы съ отрядами войскъ хана Саипъ-Гирея, вторглись въ Рязанскія области, и перешедъ за Донъ 1542 года въ августѣ мѣсяцѣ, встрѣчены были царскими войсками, подъ командою боярина князя Петра Даниловича Пронскаго (потомка Рязанскихъ удѣльныхъ князей), и князя Юрія Ивановича Дѣева. Увидя Русскія войска Татары отступили за Донъ, — наши воеводы ихъ преслѣдовали и на славномъ Куликовомъ полѣ вновь произошла частная битва, въ которой Крымскіе Татары разбиты были на-голову, подобно предкамъ своимъ, властителямъ Русской земли, усѣявшимъ костьми своими обширное поле это. Пронскій и Дѣевъ, подобно засадному полку

Храбраго и князя Волынскаго, преслѣдовали Татаръ до береговъ Красивой-Мечи (И. Г. Р. т. VIII. стр. 47 пр. 125). Мѣсто битвы этой должно быть не переходя Смолку, близъ лѣваго ея берега, *при верходубскомъ, липовомъ* и *большомъ* оврагахъ (см. планъ битвы); слѣдовательно нѣсколько ближе *Мамаева побоища*. Къ удивленію, лѣтописи не упоминаютъ при этомъ ни о знаменитой «*родительской*» церкви Донскаго, ни о могилахъ столькихъ тысячъ отцевъ и братій нашихъ, положившихъ здѣсь животъ свой за спасеніе отечества? Нельзя быть, чтобы чрезъ 162 года могли уже рѣшительно изгладиться всѣ памятники страшнаго побоища этаго? Ужели никто изъ бывшихъ тутъ воиновъ Грознаго, послѣ побѣды надъ невѣрными, на безсмертномъ полѣ этомъ, никакихъ воспоминаній не оставили для исторіи? Архивы наши еще не всѣ разобраны, и представляютъ неистощимые запасы историческихъ матеріаловъ. Доселѣ видѣнный на Куликовомъ полѣ большой курганъ при лѣвомъ берегѣ Смолки, близъ *верходубскаго* оврага, противъ заповѣдныхъ дубовъ (см. планъ битвы, цифра 14), по всему вѣроятію насыпанъ князьями Пронскимъ и Дѣевымъ надъ могилами падшихъ тутъ воиновъ Іоанна Грознаго. — Трупы Татаръ остались здѣсь по прежнему въ до-

бычу звѣрямъ дикимъ и птицамъ; похоронять ихъ было не кому.... Курганъ этотъ отстоитъ отъ *рождественской* церкви села Монастырщины около $3^1/_2$ верстъ; хоронить убитыхъ на рожественскомъ погостѣ конечно мѣшали тогда безсмертныя могилы побѣдителей Мамая; чтобы не тронуть драгоцѣнныхъ костей спасителей отечества.

Село *Рожествено-Монастырщина* лежитъ при соединеніи Непрядвы съ Дономъ, въ 20-ти верстахъ отъ Епифани, и заключаетъ въ себѣ около 120-ти дворовъ при 809 ревизскихъ душахъ, крестьянъ государственныхъ имуществъ.—Древнее преданіе даетъ великую знаменательность селу этому: находясь въ семи-верстномъ разстояніи отъ обоихъ концевъ Куликовской битвы, при сліяніи Непрядвы съ Дономъ (замѣчательномъ спорнымъ теченіемъ отъ прямаго угла паденія).—Здѣсь избрано было побѣдителемъ Димитріемъ мѣсто вѣчнаго успокоенія героямъ православнаго воинства, положившимъ животъ свой за вѣру и отечество; дабы отдѣлить ихъ отъ нечестивыхъ татарскихъ тѣлъ, преданныхъ въ добычу звѣрямъ дикимъ и птицамъ.—Для чего сотни тысячъ рукъ оставшихся воиновъ побѣдителей, восемь дней сряду прилагали свои усердныя попеченія объ от-

дѣленіи и перевозѣ убіенныхъ братій своихъ (421); тогда какъ избранные древодѣлы въ тоже время надъ священными могилами ихъ сооружали церковь *Рождества Богородицы*, изъ дубовъ приснопамятной «*зеленой дубравы*» (при генеральномъ земель размежеваніи прилегавшей еще къ самой церкви; см. планъ битвы, цифра 13). Знаменитая святыня эта, первоначатокъ всероссійской «*родительской субботы*», святый памятникъ великаго дня битвы, на праздникъ Рождества Богородицы, вскорѣ собрала кругомъ себя туземныхъ жителей въ первоначальное поселеніе, проименованное потомъ селомъ

(421). Допустить погребеніе христіанскихъ тѣлъ на мѣстѣ битвы, при рѣчкѣ Дубикѣ, *красномъ холмѣ* или рѣчкѣ Смолкѣ невозможно: во первыхъ по громадному числу убитыхъ и лежащихъ здѣсь Татаръ, груды коихъ надобно было растаскивать по мѣстности, чтобы отдѣлить отъ христіанъ; и вовторыхъ, во время лѣтней погоды отъ 8-го по 16-е сентября, гніющими тѣлами несмѣтнаго числа убитыхъ зараженъ былъ уже весь воздухъ смрадомъ, распространившимся на всемъ протяженіи этой мѣстности; а потому для погребенія христіанъ несомнѣнно должно было избрать другое мѣсто болѣе отдаленное отъ таковаго страшнаго побоища (см. планъ битвы, цифра 12).

Рожественымъ;—куда со всѣхъ сторонъ стекался народъ для поминовенія убіенныхъ на брани родителей, слѣдуя чувствамъ долга и соборному повелѣнію святой православной церкви (414). — Иноки Успенскаго монастыря *Ѳеодосіевскаго городица* въ Епифани, конечно первые усвоили себѣ поселокъ этотъ въ монастырское владѣніе, отъ чего и получило село это второе названіе *Монастырщины*. — Когда же при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и правителѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, 1591 года, по освобожденіи Москвы отъ Крымскаго хана Казы-Гирея, для торжества знаменитому образу *Донской Богородицы*, бывшему съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовской битвѣ, былъ поставленъ въ Москвѣ *Донской* монастырь (см. И. О. Т. г. коломен. іерархію); то и село Рожествено-Монастырщина было по указу патріарха Іова, или по возобновленіи монастыря этаго 1698 года, указомъ патріарха Адріана приписано къ Донскому монастырю (422), и

(422). Заслуженный епифанскій дворянинъ Ив. Лар. Савельевъ (бывшій засѣд. Тул. угол. палаты) въ долговременную службу свою по Епифани, лично слыхалъ отъ Рожественскихъ старожиловъ, что село ихъ принадлежало къ Донскому монастырю; бывшій здѣсь

оставалось за нимъ по 1764 годъ, до поступленія монастырскихъ отчинъ въ вѣдомство *коллегіи экономіи.*—Въ продолженіи времени того, начальство Донскаго монастыря значительно распространило и увеличило поселеніе села Рожествена-Монастырщины, въ которомъ съ 1380 года знаменитая великимъ воспоминаніемъ церковь *Рождества Богородицы* конечно уже болѣе трехъ разъ была возобновляема; послѣдній разъ перестроена она своими доброхотными прихожанами 1791-го года, въ царствованіе Екатерины Великія, по благословенію Коломенскаго

при битвѣ и построеніи церкви 1380 года, знаменитый образъ *Донской Богоматери* подтверждаетъ показаніе это. — Тульскій писатель Ѳ. Г. Покровскій въ своемъ Димитріѣ Донскомъ 1823 года, и извѣстный московскій археологъ покойный Мих. Никол. Макаровъ въ брошюрѣ своей о селѣ Рожественѣ-Монастырщинѣ 1826 года, оба относятъ село это къ вѣдомству Крутицкаго монастыря, но безъ всякихъ доказательствъ. — Епифанскій уѣздъ искони принадлежалъ къ Рязанской епархіи; съ 1614 по 1622 годъ, отходилъ онъ на восемь лѣтъ къ Крутицкой, съ 1622 по 1675 годъ Коломенской епархіи, съ 1675 по 1788-й годъ вновь къ древней своей Рязанской митрополіи; съ 1788 года окончательно къ Коломенской и Тульской каѳедрѣ (см. Ист. об. города Епифани и Тульск. іерархію).

и Тульскаго епископа Аѳанасія, съ новымъ предѣломъ, небесныхъ силъ воеводы, св. Архангела Михаила.—Въ предѣлѣ этомъ помѣщенъ иконостасъ прежней небольшой церкви, и замѣчательные древніе *царскіе врата*, рѣзные изъ липовой коры, они замалеваны и расписаны образами Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ, и сверхъ всего покрыты тончайшею, искусной работы, похожею на филограмъ, — мѣдною сѣтчатою ризою; надъ вратами сими изображенъ рѣзной домъ царя — пророка Давида.—Врата эти, по древнему преданію, принесены сюда въ даръ святымъ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, еще при жизни великаго князя Димитрія Донскаго(?).—Утвердительно можно было бы сказать объ этомъ, если бы мы знали, что грозный завоеватель Тамерланъ, 1395 года проходя здѣсь къ верховью Дона, оставилъ знаменитую святыню эту невредимою!?... Равномѣрно сохранилась ли она при второй частной Куликовской битвѣ 1542 года, когда войска Іоанна Грознаго разбили здѣсь Крымскихъ Татаръ?—Еще хранятся здѣсь изъ прежней церкви: запрестольный рѣзный вызолоченный крестъ; большой деревянный свѣчникъ, преузорчито расписанный; древніе сосуды оловянные, и святое Евангеліе также оправленное оловомъ; оно писано уста-

вомъ съ употребленіемъ древней буквы «*юса*», на заглавномъ листѣ можно прочесть: «*въ лѣто 7113* (1605 г.), *на память святаго*».... Надпись эта относится ко времени царей Бориса и Θеодора Годуновыхъ или Димитрія самозванца; тамъ же въ углу трапезы лежатъ косяки отъ прежнихъ царскихъ вратъ, они всѣ расписаны были образами; равномѣрно иконостасные образа: Спасителя, Богоматери и Іоанна Богослова (въ настоящей церкви Рождества Богородицы) могутъ почесться древними; тамъ же бывшимъ церковнымъ старостою Григоріемъ Θеодоровымъ принесенъ древній мѣдный крестъ, выпаханный на Куликовомъ полѣ 1824 года; крестъ этотъ принадлежитъ къ числу складней, нижняя половина его пропала въ землѣ; во внутренности креста этаго должны быть помѣщаемы святыя мощи, частицы одежды, рукописанія или другія священныя воспоминанія. — Болѣе этаго нѣтъ никакихъ древностей: частые набѣги Татаръ и бывшіе пожары въ селѣ этомъ, къ несчастію многое утратили и истребили.—Все же, что въ прошедшемъ было найдено жителями, по невѣдѣнію ихъ распродано, и ничего не оставлено для памяти на мѣстѣ.—Погостъ при церкви недавнихъ временъ; могилы Куликовскихъ героевъ въ мимошедшихъ вѣкахъ (чрезъ

468 лѣтъ) сравнялись уже съ землею, и вся мѣстность эта застроилась распространившимся поселеніемъ.

Великія событія Куликовской битвы обѣщаютъ историческому селу этому блистательную будущность: на благоденствіе и славу Россіи царствующій Государь Императоръ, въ отеческихъ попеченіяхъ своихъ о поддержаніи народной славы, благоволилъ уже повелѣть возобновить вопросъ о памятникѣ герою Донскому, на Куликовомъ полѣ (423). Къ усугубленію же благоденствія жителей села *Рожествена* можетъ быть со временемъ учредится ярмарка (424), и въ будущемъ времени, при увеличившемся народонаселеніи и торговлѣ, можетъ поставить его

---

(423). Главноначальствующій путями сообщенія и публичными зданіями графъ П. А. Клейнмихель, въ предписаніи своемъ Тульскому военному губернатору Николаю Ивановичу Крузенштерну, извѣстилъ, что памятникъ и инвалидный домъ будутъ сооружены подъ вѣдѣніемъ штаба военныхъ поселеній.

(424). Желательно, чтобы она начиналась на другой день по окончаніи Лебедянской ярмарки; назначеніе таковое обратитъ коммерческіе интересы съ одной ярмарки на другую. — Любитель отечественныхъ древ-

на степень города *Рожественскаго*, чего всѣ любящіе родину сограждане усердно желаютъ.

Въ дачахъ села Монастырщины, на югъ къ рѣчкѣ Смолкѣ, лежала замѣчательная въ исторіи *зеленая дубрава*, гдѣ при Куликовской битвѣ скрывался *засадный полкъ* князей Владиміра Андреевича *Храбраго* и Димитрія Михайловича Волынскаго. — Геніальный преобразователь нашъ, Великій Петръ, не разъ проѣзжалъ съ Иванъ-озерскаго канала посѣщать достопамятныя мѣста эти, и повелѣлъ заклеймить всѣ дубы приснопамятной дубравы этой, начинавшейся тогда у самой рожественской усадьбы; при генеральномъ земель размежеваніи 1778 года, стояли еще здѣсь нѣсколько вѣковыхъ дубовъ близъ самой церкви; нынѣ же остатки заповѣданныхъ дубовъ тѣхъ, числомъ около 70-ти остались только въ трехъ верстахъ отъ Рожественской церкви, близъ берега рѣчки Смолки (планъ битвы, цифра 7). — Великаны эти, простоявъ болѣе пяти вѣковъ, въ недавнемъ времени засохли; но обнаженные покрововъ

ностей нашихъ Н. А. Молчановъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, первый подалъ объ этомъ свое мнѣніе.

своихъ, гордо указываютъ они потомству о великомъ событіи битвы.—Для поддержанія живыхъ монументовъ этихъ, перешедшихъ къ намъ изъ вѣка въ вѣкъ, желательно бы мѣстность эту оградить валомъ и насадить новымъ дубовымъ лѣсомъ, изъ молодыхъ деревъ. — Противъ заповѣдныхъ дубовъ этихъ, на лѣвомъ берегѣ Смолки, близъ *верходубскаго* оврага лежитъ *большой курганъ* (см. планъ битвы, цифра 14); по всему вѣроятно курганъ этотъ насыпанъ надъ могилами падшихъ воиновъ царя Іоанна Василіевича Грознаго 1542 года, при второй Куликовской битвѣ съ Крымскими Татарами, какъ сказано выше.

Далѣе на югъ за рѣчкою Смолкою, въ 8-ми верстахъ отъ села Рожествена, лежитъ, такъ называемый, «*красный холмъ*»; плоская возвышенность эта имѣетъ болѣе 30-ти саженъ вертикальной высоты, постепенно возвышаясь отъ верховьевъ рѣчки Смолки; высота эта командуетъ всею окрестностію, и даритъ наблюдателя великолѣпнымъ видомъ горизонта въ двадцати и тридцати-верстномъ радіусѣ (планъ битвы, цифра 11). — Мѣсто это въ лѣтописяхъ Куликовской битвы названо «*высокимъ шеломянемъ*»; откуда Мамай наблюдалъ за ходомъ четы-

рехъ-часовой битвы, и на-голову разбитый, съ ужасомъ растерзаннаго сердца,—бѣжалъ, потерявъ несмѣтное число войска и весь огромный обозъ свой: «царь же Мамай съ тремя *темники* свои взыде на «мѣсто высоко, на *шеломя* (отъ слова *шеломъ*, — «наглавіе, шлемъ), и ту сташе хотя видѣти крово-«пролитіе».—Здѣсь же съ трубнымъ звукомъ возгласилъ побѣду братъ Донскаго героя,—князь Владиміръ Андреевичъ *Храбрый*, и водрузилъ знамена христіанъ надъ трупами враговъ, губителей дражайшаго отечества своего!—Освященная такими воспоминаніями высота эта вселяетъ неизъяснимый восторгъ въ каждомъ Русскомъ сердцѣ, любящемъ отечество, и великимъ событіемъ принесенныхъ здѣсь жертвъ, сама собою указуетъ тутъ мѣсто достойному памятнику Донскаго героя и сподвижниковъ его, подобно Бородинскому, по равно великимъ событіямъ.—Всѣ знаменательныя эпохи исторіи Русской имѣютъ уже свои вѣковые памятники, недостаетъ только одного *Куликовскаго*.

По самому темю возвышенности *краснаго холма* идутъ семь граничныхъ владѣльческихъ межъ, какъ радіусы круга въ разныя стороны, и засѣваются хлѣбомъ поля, радостно ожидающія теперь власти-

тельной мысли и слова Монарха; гдѣ кости Татаръ давно уже упрочили фундаментъ почвы прославленныхъ нивъ этихъ!... Здѣсь, какъ на окончательномъ мѣстѣ битвы, наиболѣе выпахиваютъ обломки древнихъ оружій рукопашнаго боя, равно какъ мѣдные кресты, складни образовъ, и части воинскихъ раздробленныхъ доспѣховъ (425).

«Здѣсь робко на поля иноплеменникъ взглянетъ,
«И мимо сихъ холмовъ со страхомъ поспѣшитъ;
«Но Россъ здѣсь мощь свою и силу воспомянетъ,
«И скажетъ съ радостію,—кто Русскихъ побѣдитъ?»

Писаревъ.

КЪ МОГИЛАМЪ ПАДШИХЪ ГЕРОЕВЪ:

Потомки кланяйтесь!... они легли за васъ,
Паденьемъ славнымъ ихъ,—отечество возстало!

За симъ слѣдуетъ еще замѣтить на Куликовомъ полѣ «*березовый оврагъ*» (около 2-хъ верстъ длины) впадающій съ правой стороны въ рѣчку *Смолку*

---

(425). Желательно, чтобы гг. епифанскіе, богородицкіе и прочіе тульскіе и другіе помѣщики, владѣющіе драгоцѣнными остатками тѣми съ Куликова поля, пожертвовали ихъ въ инвалидный домъ, при памят-

(387), при сельцѣ Обалешиной-Смолкѣ (426) принадлежащей нынѣ стат. совѣт. Александру Ѳедоровичу Ахлестышеву (бывшему епифанскому предводителю дворянства); при сухомъ оврагѣ этомъ надобно искать мѣсто, гдѣ лежалъ подъ березою израненный герой Куликовской битвы, и гдѣ былъ

никѣ Донскаго героя.—Это бы составило свой небольшой сохранный музеумъ, гдѣ каждое приношеніе должно быть надписано отъ имени владѣльца, на память грядущему времени.—Нѣкоторые изъ найденныхъ драгоцѣнностей съ Куликова поля хранятся нынѣ въ Московской оружейной палатѣ.

(426). При генеральномъ земель размежеваніи сельцо *Смолка* принадлежало помѣщику секундъ-маіору Обалешеву, въ слѣдствіе чего и проименовано нынѣ Обалешиною-Смолкою.—Московскій археологъ, покойный М. Н. Макаровъ въ брошюркѣ своей 1826 года, о селѣ Рожественѣ и Куликовомъ полѣ, дозволилъ игривой фантазіи своей отнести многія мѣстныя урочища героямъ-сподвижникамъ Донскаго, въ томъ числѣ и Обалешину-Смолку приписалъ князю Семену Константиновичу Обаленскому, родоначальнику знаменитаго дома князей Обаленскихъ, по заштатному нынѣ городу *Обаленску*, Калужской губерніи на рѣкѣ Протвѣ (см. карту къ И. О. Т. губерн. 1849 г. и примѣч. 9).—Изъ брошюрки г. Макарова врядъ ли и десятая доля принадлежитъ исторіи.

найденъ онъ костромскими дворянами: Сабуровымъ и Хлопищевымъ (см. планъ битвы, цифра 8).—Самое названіе оврага этаго *«березовый»* конечно произошло отъ березоваго лѣса, и той березы, которая имѣла счастіе подъ тѣнію своею покоить лишеннаго силъ Донскаго героя. — Настоящее мѣсто это при березовомъ оврагѣ для насъ навсегда потеряно; въ реставрированномъ мною по лѣтописямъ планѣ Куликовской битвы, поставлено оно по одному соображенію мѣстности.

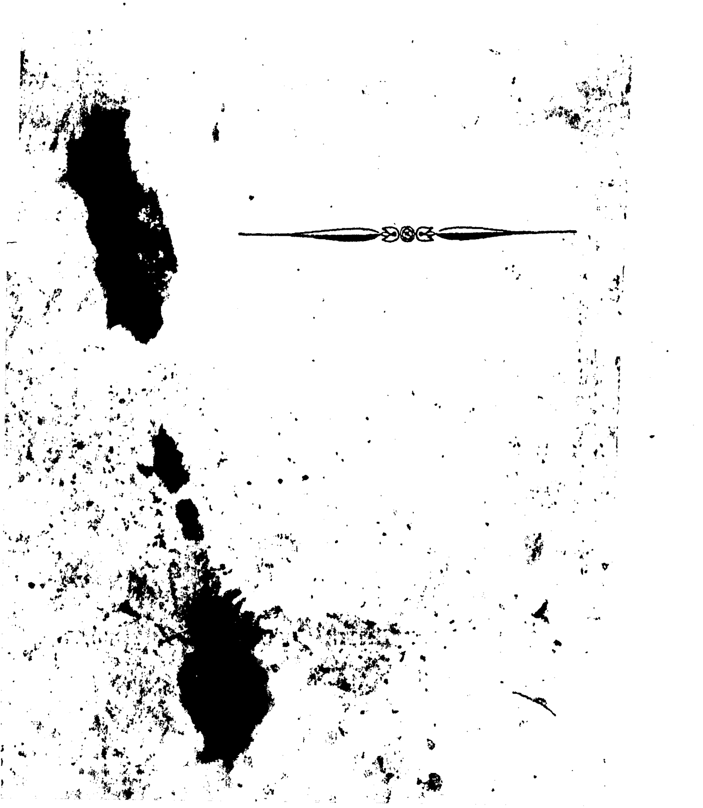
Окончивъ обозрѣніе Куликова поля слѣдуетъ еще указать за Дономъ одно древнее городище (61) при рѣкѣ большой-Таболѣ (смотри планъ битвы «*Дороженъ*»), оно лежитъ въ двухъ верстахъ на востокъ отъ села Суханова-Судакова, что близъ донковской дороги, въ дачахъ князя А. Ѳ. Голицына.—Признаки укрѣпленія этаго,—земляные валы съ заплывшими рвами показываютъ, что здѣсь былъ древній городъ, на который встарину шла дорога изъ города Березуя (близъ Венева) въ старый Донковъ; а потому съ вѣроятностію можно полагать, что на мѣстѣ этомъ былъ древній городъ *Дороженъ*, искони принадлежавшій къ Рязанскому великому княжеству.—При договорѣ Рязанскаго великаго князя Іоанна Ѳеодоровича (внука Олегова и Донскаго), когда онъ

(около 1430-го года) призналъ надъ собою власть Литовскаго великаго князя Витовта, говоритъ Іоаннъ въ *присяжной* своей граматѣ, чтобы онъ *осподарь* (68) Витовтовъ въ отчины его: Тулу, *Берестей* или *Березуй* (см. И. О. Венев. уѣзда) и въ *Дороженъ* не вступался (И. Г. Р. т. V. пр. 261). — Войска Московскія проходя здѣсь (1380 года, сентября 6 и 7 дня) на пораженіе Мамая, конечно по повелѣнію героя Донскаго занимали городище это, находящееся въ 8-ми верстахъ отъ Куликова поля, дабы въ случаѣ несчастія и отступленія обратно за Донъ, имѣть здѣсь какую либо опору въ укрѣпленномъ городѣ.

Съ живѣйшею радостію извѣщаемъ теперь читателей нашихъ, что памятникъ Донскому герою уже Высочайше утвержденъ: онъ будетъ отлитъ изъ чугуна на С.—Петербургскомъ заводѣ г. Берда, по примѣру Бородинскаго, и торжественно поставленъ на *Красномъ холмѣ* вмѣстѣ съ инвалиднымъ домомъ, что уже съ нынѣшняго лѣта (1849 г.) производится на самомъ дѣлѣ.

При чемъ къ чести родины моей, — Тульской губерніи, должно присовокупить, что при первомъ

оффиціальномъ предложеніи высшаго начальства, чрезъ Тульскаго губернскаго предводителя дворянства, Владиміра Андреевича Норова, скупить земли священныхъ мѣстъ этихъ, господа владѣльцы, — епифанскіе помѣщики (381), чрезъ предводителя своего, полковника Василія Петровича Давыдова, съ радостію и безвозмездно пожертвовали всѣми землями *Краснаго холма* подъ памятникъ и поселеніе инвалидовъ, на безсмертную славу своей, — Епифанскаго уѣзда.

весь огромный станъ, обозы и запасы (пр. 406). Мамай, съ тремя сановниками своими, съ высоты *краснаго холма* смотря на битву, увидѣлъ общую гибель и бѣгство своихъ,—застоналъ!... и терзаемый бѣдствіемъ воскликнулъ: *великъ Богъ христіанскій!»* и пустился на конѣ своемъ въ слѣдъ за другими (см. планъ битвы).—Засадный конный полкъ побѣдителей, съ княземъ Волынскимъ сѣлъ имъ на голову: билъ, топталъ, опрокидывалъ, и тысячами злодѣйскихъ тѣлъ усталъ широкую степь пятидесяти-верстнаго разстоянія до устьевъ рѣки Красивой—Мечи (Тамбовской губерніи, въ Лебедянскомъ уѣздѣ впадающей въ Донъ; см. карту къ И. О. Т. г. 1849 г.); гдѣ Татары все, что оставалось еще, бросили,—и застигнутые ночью перетонули въ рѣкѣ.—«*И се рука Господня отяготѣ на нечестивые губители, и гнѣвомъ ярости сокруши и, яко прахъ предъ лицемъ бури!»*—Малая часть людей перешла съ Мамаемъ на другой берегъ Красивой—Мечи.—За день до сего на Куликовомъ полѣ, страшныя полчища Татаръ стояли здѣсь грозными властителями Русской земли!... Отъ всемощныхъ монгольскихъ ударовъ трепеталъ тогда востокъ и западъ (400).

---

(400). Тутъ можно повторить съ вдохновеннымъ поэтомъ:

Мужественный князь Владиміръ Андреевичъ,— герой незабвеннаго дня сего, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ враговъ подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ, и трубнымъ звукомъ съ *краснаго холма* повелѣлъ созывать оставшееся войско: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и воеводы, славили Бога и съ радостными слезами поздравляли другъ друга, обнимаясь, какъ на праздникѣ свѣтлаго Христова воскресенія... Но Димитрія

«О страхъ карающаго дня!
«Бродя окрестъ очами,
«Речетъ пришлецъ:
«Враговъ я зрѣлъ,
«И мнилъ земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ,—враговъ нестало!»

Жуковскій.

Мамай въ томъ же 1380-мъ годѣ еще разъ разбитый въ улусахъ своихъ воцарившимся Тохтамышемъ,—бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ Генуэзцы въ Кафѣ (Ѳеодосіи) убили его изъ корысти денегъ (И. Г. Р. т. V—44. прим. 88). Близъ Кафы былъ знаменитый городъ *Крымъ*, основанный Татарами около 1260 года. — По городу этому древній греческій полуостровъ *Таврида* переименовался *Крымомъ* (И. Г. Р. т. IV ст. 74).